

ВОСПОМИНАНІЯ.

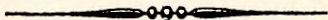
ИЗЪ

ЗАПИСОКЪ

1815 ГОДА.

А. МИХАЙЛОВСКАГО - ДАНИЛЕВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

1831.

ВОСПОМИНАНІЯ.

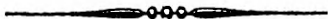
ИЗЪ

ЗАПИСОКЪ

1815 ГОДА.

А. МИХАЙЛОВСКАГО - ДАНИЛЕВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

1831.

Печатать позволяется,
съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Санктпетербургъ, 1 Февраля 1831 года.

Ценсоръ, О. Сенковский.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1815 году я имѣлъ счастіе находись въ свитѣ Императора Александра Павловича на Вѣнскомъ Конгресѣ, въ походѣ во Францію и въ обратномъ путешествіи Его Величества чрезъ Брюссель, Швейцарію и Нѣмецкую землю въ Россію. Опрывки изъ журнала, веденнаго мною въ то время, были напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а нынѣ, издавая ихъ въ совокупности, счишаю нужнымъ предварить, что чинапель не найдеть въ нихъ поѣ полноты разказа о происшествіяхъ, какъ въ историческихъ Запискахъ, копорыя во множествѣ печатающся въ чужихъ краяхъ. Я только предлагаю здѣсь нѣкопорыя мысли, возбужденныя во мнѣ предметами,

меня окружавшими, и начинаю со дня отъѣзда моего изъ Вѣны въ Главную кварширу арміи, копорая тогда назначена была дѣйствовать противъ Франціи.

ГЛАВА I.

Отъездъ изъ Вѣны. — Прибытіе въ Минхенъ. — Баварскій Дворъ. — Приездъ въ Стутгардъ. — Лудвигсбургъ. — Гейльбронъ. — Приездъ въ Гейдельбергъ.

14го *Мая*. Вчѣра, въ прекраснѣйшій вечеръ, я отправился изъ Вѣны въ Минхенъ и Спущгардъ, а опшуда въ главную нашу кварширу, въ Гейльбронъ. Всю ночь я думалъ о помѣ множеспвѣ разныхъ лицъ, копорыя находилися на Конгресѣ, о добродѣтеляхъ и слабоспяхъ, копорыхъ я былъ свидѣшелемъ, объ успѣхахъ просвѣщенія и о силѣ предразсудковъ, о великолѣпныхъ праздникахъ при Дворѣ и объ усдиненныхъ прогулкахъ моихъ въ окреспноспахъ Вѣны, словомъ сказашь, воображенію моему предспавлялись всѣ суспы шумнаго, безпримѣрнаго восьми-мѣсячнаго пребыванія нашего на Конгресѣ, и вмѣспѣ съ пѣмъ занимали

меня мечпы о предспольвшемъ нупешешпви и походѣ.

Первые лучи солнца заспали меня недалеко опъ Мелька, и разсѣяли беспорядокъ моихъ мыслей; я любовался прелестями, щедро разсыпанными здѣсь рукою природы. Нѣсколько почпгъ слѣдовали мы по берегу Дуная, имѣя въ лѣво цѣпь Спирійскихъ горъ, изъ-за которыхъ показывались снѣжныя высопы Тироля; на правой сторонѣ не прерывался рядъ богатѣйшихъ селеній, около которыхъ видны были спаринныя замки и пасущіяся стада. Окрестности Энца и Линца прекрасны; въ каждой деревнѣ и въ каждомъ городѣ множеспво народа ожидало прибытія Государя.

14го Мая мы прѣхали въ Нимфенбургъ, загородной дворець, верспъ шесть разспояніемъ опъ Минхена, гдѣ Баварскій Король намѣренъ былъ принять Государя. Минхенъ расположенъ на неизмѣримой равнинѣ, усѣянной, такъ сказашъ, деревнями; дорога опъ него до Нимфенбурга покрыта была любопышными. Государь изволилъ насъ лично представитъ Королевской фамиліи. Король сказалъ мнѣ: «будыше у меня въ гостяхъ безъ всякихъ церемоній.» Нельзя не лю-

бовашься, видя Короля и супругу его въ кругу шеспи маленькихъ прекрасныхъ дочерей, копорыхъ воспитаніемъ занимаешя онъ самъ. Преимущественно обращаетъ на себя вниманіе старшая дочь Короля, бывшая Вице-Королева Италійская, одна изъ прекраснѣйшихъ женщинъ нашего времени. Въ какомъ величіи видѣлъ я ее пому пять лѣтъ, назадъ въ Миланѣ, въ цвѣтѣ лѣтъ, на престолѣ одного изъ богатѣйшихъ царствъ въ мірѣ! Король обращается съ придворными на дружеской ногѣ: искренность его и шулки заспавляютъ забываясь санъ его. Дворъ его состоитъ челоуѣкъ изъ двадцати пожилыхъ Каммергеровъ самыхъ старинныхъ фамилій; но я не нашелъ между ними людей, по заслугамъ своимъ принадлежащихъ Испоріи, каковыхъ пріятно встрѣчалъ на ступеняхъ престоловъ.

Любопытнѣйшій вельможа есть Графъ Монжеласъ, копорый управляетъ шремъ Минисперствами: Иноспраннымъ, Финансовъ и Внутреннимъ, заключающимъ въ себѣ также Минисперство Правосудія и Просвѣщенія. Я съ удовольствіемъ слушалъ умные и краснорѣчивые его разговоры, и смолѣлъ на выра-

*

зипельныя черпы лица его. Монжелась, какъ всѣ люди, занимающіе важныя мѣста, имѣють своихъ приверженцевъ и зависпниковъ; но ему должно опдасть справедливоспъ, что внупреннее управленіе Баваріи приведено имъ въ большую исправноспъ, и что въ отношеніи къ иностраннымъ Державамъ онъ поставилъ опечеспво свое на такую спепень величія, на какой оно никогда прежде не бывало.

На другой денъ мы ѣздили въ Минхенъ, гдѣ городъ давалъ балъ Имперапо-ру въ Театрѣ. Лишь шолько Его Величество прибылъ, какъ началась Русская пляска, продолжавшаяся около чепвертн часа; попомъ явились актеры, одѣтые въ плапье различныхъ народовъ, обипающихъ въ Россіи, и проходили мимо нашей ложи при громѣ музыки. Король предложилъ обопти по партеру, и сдва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ увидѣли водопадъ, а подъ нимъ изображеніе Каменнаго Оспрова, копорый оспанется незабвеннымъ въ нашей Испоріи, какъ любимое мѣстопребываніе Государя Императора. Позднй попомокъ, приспавая къ сему оспрову, съ умилніемъ будеспъ спопрѣспъ на жилище Монарха, копораго душа доступна была всякаго рода бла-

гимъ впечатлѣніямъ. Послѣ сего играли комическую Оперу; во время представленія Государь казался скучнымъ, а я вступалъ въ разговоры съ многими изъ придворныхъ. Въ Германіи наружность людей ничего не общаешь, но она обманчива; трудно познакомиться съ жителями сей благословенной страны, но чѣмъ болѣе ихъ узнаешь, тѣмъ труднѣе съ ними расшаться; связи дружбы, съ ними однажды заключенныя, пребываютъ неразрывны во всю жизнь.

Мая 17. Сего дня мы ожидали прибытія Австрійскаго Императора. Послѣ обѣда весь Дворъ вышелъ на балконъ, чпобы вспрѣшпть Его Величество. Я находился подлѣ Вице-Короля Испалійскаго, на чертахъ лица котораго примѣтно уныніе, что при настоящихъ обстоятельствахъ иначе и быть не можетъ. Онъ началъ говорить со мною объ обыкновенныхъ предметахъ, но я спарался склонить рѣчь на войну 1812 года. Чеспіи нашей никто не опспметъ; Русскіе носпавили ее на незыблемомъ основаніи; но не менѣе того пріятно мнѣ было слышать отъ ближайшаго родственника Наполсонова, и одного изъ искуснѣйшихъ Генераловъ, похвалы, воздаваемыя имъ

Князю Смоленскому и арміи нашей. »Вы мнѣ позволѣте сдѣлать замѣчаніе, сказалъ онъ, что это первой ученый походъ Русскихъ, и въ ономъ показали вы превосходство вашихъ офицеровъ и солдатъ. Я раздѣлялъ, продолжалъ онъ, со всею Французскою арміею увѣренность въ успѣхъ; но ваши воинскія распоряженія заславили меня вамъ удивляясь.« Прибытіе Императора Франца и Супруги его прервало нашъ разговоръ. Всѣ пошли ихъ встрѣчать, и проводили пошомъ, по обыкновенію, до комнастъ, назначенныхъ для Ихъ Величествъ. Послѣ сего придворные начали расходиться, говоря другъ другу: »какой сего дня былъ шпегостный день! до вечера ничего не будетъ, ужинъ назначенъ въ девять часовъ.«

19го Мая я выѣхалъ изъ Нимфенбурга. Погода была прекрасная, воздухъ благоуханный, и я непримѣнно доѣхалъ до деревни Эслингена, гдѣ мнѣ надлежало ожидать Государя, и гдѣ я встрѣтилъ Короля Виртембергскаго. Я представился Его Величеству, и провелъ съ нимъ около часа. Король все сіе время говорилъ о Франціи, о Рейнскомъ Союзѣ, о войнѣ и о подобныхъ важныхъ предме-

пахъ; онъ также вспоминалъ о службѣ своей въ Россіи, и объяснялся съ такимъ благоразуміемъ и такъ краснорѣчиво, что вселилъ въ меня особенное уваженіе. Изъ Нѣмецкихъ Государей онъ одинъ, которъй, во время владычества Французовъ, умѣлъ сохранить призракъ независимости. О немъ говорили: »въ Виртембергѣи нѣтъ Королевства, но есть Король.« Онъ управляетъ Государствомъ своимъ самъ; ни одинъ изъ Министровъ не имѣетъ вліянія на дѣла. Правленіе его строго; подати очень велики; нѣкоторые на сіе жалуется, но за то нигдѣ въ Германіи нѣтъ такого порядка, какъ въ Виртембергѣи и такого великолѣпія какъ при Стутгардскомъ Дворѣ. Ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ нѣтъ подобія той пышности и устройства, какъ здѣсь. Наполеонъ, во время блеска Сен-Клудскаго Двора, присылалъ сюда чиновниковъ для изученія порядка, здѣсь введеннаго.

По прибытіи Государя въ Эслингенъ, мы сѣли въ придворныя коляски, и отправились въ Стутгартъ, по дорогѣ, лежащей вдоль берега рѣки Некара, посреди богатыхъ селеній, за которыми видна была цѣпь горъ; на одной изъ нихъ находящаяся развалины замка Варшенберга,

ошкуда происходишь пынѣ царспивуюцій Домѣ. Выспрѣлы изъ орудій, распавленыхъ на возвышеніяхъ, возвѣспили приближеніе Государя; мы ѣхали по прекрасному парку мимо оранжерей, звѣринцевъ и увеселипельныхъ домовъ Короля. Все возвѣщало блиспашельную вспрѣчу. Дворѣ ожидалъ насъ на лѣспницѣ замка; на спупеняхъ распавлены были Каммергеры и Пажи, облипыые, пакѣ сказапъ, въ золопѣ, а въ переднихъ комнапахъ кавалергарды и прабаншы, въ спаринной Нѣмецкой одеждѣ. Горницы въ замкѣ не соопвѣшпвуютъ блеску, въ кошоромъ я видѣлъ придворныхъ: онѣ малы, убраны не богашо, но со вкусомъ. Послѣ обыкновенныхъ предспавленій пригласили насъ въ Театрѣ, гдѣ взоръ мой былъ ослѣпленъ пышноспію нарядовъ, и необыкновеннымъ множеспвомъ знаковъ опличія, украшавшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.

21го *Мая*. Мы переѣхали изъ Спупгарда въ Лудвигсбургѣ, обыкновенное лѣспнее мѣспопребываніе Короля. Повсюду видны богашо одѣшыые придворные и часовые; но городѣ похожѣ на казарму, попому, чпо на улицахъ ни кого кромѣ военныхъ, не вспрѣчаспся. Съ нами вмѣ-

спѣ прибыль сюда также Императоръ Австрійской, и по случаю встрѣчи его и предшавленія двумъ Императорамъ, придворные во весь день суешились. Я между шѣмъ разсматривалъ внутреннія комнаты замка, и невольно остановился въ кабинетѣ Короля, гдѣ висяпъ при портрета, а именно: Петра Великаго, Фридриха Втораго и Герцога Фердинанда, копорой почиташся однимъ изъ мудрейшихъ Государей въ Виртембергѣ.

Вечеромъ Дворъ отправился въ Монрепо, на балъ, а я поѣхалъ въ Спунсгардъ, чпобы познакомиться съ славнымъ Валпелемъ Даннекеромъ. Дорогою я любовался опмѣннымъ обработываніемъ земли; она здѣсь плодороднѣе, нежели въ Баваріи, гдѣ, по близости Тирольскихъ горъ, бываюпъ холодные вѣтры. Селенія въ Виртембергѣ богашѣе, крестьяне зажиточнѣе, города и деревни выстроены правильнѣе. Спунсгардъ не обширенъ; въ немъ только одна порядочная улица. Къ сожалѣнію, я не заспалъ Даннекера дома, но мнѣ показали его масперскую, гдѣ я видѣлъ Аріадну, лежащую на барсѣ. Она принадлежитъ къ изящѣйшимъ спашуямъ въ Свѣтѣ, и смѣло можетъ быть поставлена на-ряду съ произведеніями

Кановы. Нѣжноспь пѣла, красота лица, выраженіе, все чрезвычайно; жаль, что на мраморѣ естѣ нѣсколько черныхъ пятенъ, происходящихъ опѣ того, что кусокъ, изъ котораго она изваяна, былъ два года въ рѣкѣ Ронѣ. Въ мастерской видѣлъ я, сверхъ того, прекрасныя грудныя изображенія Шиллера, Госпожи Алопеусъ и Князя Мешперниха.

24го *Мая*. Мы выѣхали изъ Лудвигсбурга и прибыли въ Гейльбронъ, небольшой городокъ, лежащій въ прекрасной долинѣ; здѣсь наша главная квартира. Ежеминутно пріѣзжаютъ сюда Генералы, офицеры, курьеры; нѣтъ болѣе ни придворныхъ, ни вельможъ, ни баловъ; все приняло военный видъ; думаютъ уже не о веселоспяхъ, а о славѣ, и жалуютъ только, что наши войска еще далеко опѣ Рейна. Главная квартира Авспрійцевъ находилась въ это время шестъ миль впереди, въ Гейдельбергѣ, и хопя они увѣряли, что въ семъ городѣ очень шѣсно на счепъ помѣщенія, но Государь, желалъ, по обыкновенію свосму, находитьсѣ въ средопочіи военныхъ дѣйспвій, велѣлъ имъ отвѣчать, что для него нужно не болѣе одного или двухъ домовъ, а что главная квартира сего можетъ располо-

жипсья въ близлежащихъ опть Гейдельберга деревняхъ, почему мы шуда на другой день оипправились.

Дорога опть Гейльбронa до Гейдельберга прелестна. Красота мѣсположеній, чистой лазуревой сводъ небесъ, непомрачаемый ни однимъ облакомъ, шихое печеніе Некара у подошвы крупныхъ горъ, наспроили духъ мой шакъ поэшически, чшо я молилъ дневное свѣшшло умедлишь бѣгъ свой, дабы я могъ за свѣшшло прѣвхашь въ Гейдельбергъ, и видѣшь окреспности его. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ; народъ покрываль улицы; спуденшы съ веселыми, опскрытыми лицами напоминали мнѣ счастливые годы жизни моей; Профессоры продолжають чипашь свои лекціи. Однажды я зашелъ къ одному изъ знаменишѣйшихъ изъ нихъ; учебная комнаша его наполнена была слушателями. Въ двѣнадцати верспахъ опть Французской границы, среди военного шума, они предаються Наукамъ съ шакимъ жаромъ, чшо забывають положеніе, въ копоромъ находишься полишической мѣрь. Зачѣмъ не раздѣляю я съ вами заблужденія вашего? подумалъ я, и шихими шагами пошелъ на гору, на копорой возвышаються разва-

лины стариннаго великолѣпнаго замка; съ ней видна долина, простирающаяся до самаго Мангейма, усаженная деревнями, городами и садами; посреди оной открывается все теченіе Некара; вдали мелькаютъ Рейнъ и синѣющая горы, лежащія во Франціи. Тамъ споятъ уже непріатели; и такъ только двѣнадцать верстъ отдѣляютъ насъ отъ нихъ: скоро грянетъ громъ оружія!

ГЛАВА П.

ПРЕБЫВАНИЕ ВЪ ГЕЙДЕЛЬБЕРГЪ. — ЗАГОРОД-
НЫЙ ДОМЪ ГОСУДАРЯ. — ВОЕННЫЯ СОВѢЩА-
НІЯ. — ПОБѢДА ПРИ ВАТЕРЛО. — ПРИѢЗДЪ
ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ. — ВЫСТУПЛЕНІЕ.

По прибытіи въ Гейдельбергъ, Госу-
дарь переехалъ въ скоромъ времени за
городъ, въ домъ Англичанина Пикфорда.
Когда сему послѣднему сказали, что Им-
ператоръ желаетъ поселиться въ его
домъ, то онъ, принявъ сіе за особенную
честь, обѣщалъ въ тотъ же день все
приготовить для принятія Его Величе-
ства. Въ это время вошелъ Государь,
благодарилъ хозяина чистымъ Англій-
скимъ языкомъ, и желалъ познакомиться
съ супругою его и шестью дѣтьми,
копрыхъ онъ осыпалъ ласками, и при-
гласилъ бывать въ саду ихъ пакъ часто,
какъ имъ угодно, обѣщая, что въ немъ
все будетъ сохранено въ прежнемъ видѣ,
какъ было и при нихъ.

Однажды случилось мнѣ проходитьъ

мимо сего сада, расположеннаго у подошвы крупныхъ горъ, защищающихъ его отъ холодныхъ вѣтровъ, и я увидѣлъ въ немъ Государя, Который поливалъ цвѣшы. Я остановился и съ особеннымъ чувствомъ смогрѣлъ на величайшаго Монарха въ Европѣ, предводившаго силами всѣхъ Державъ, наканунѣ, можетъ быть кровопролитныхъ битвъ, въ которыхъ должна была рѣшиться участь царствъ, и занимавшагося цвѣшамми! Потомъ Онъ взошелъ на гору и долго смогрѣлъ на прелесныя окрестности; казалось, что Онъ счастливъ былъ, любяся красотою природы, и видъ спокойствія, которое въ сіи роковыя минуты было начертано на Его лицѣ, долго мнѣ останется памятенъ.

Мы прожили въ Гейдельбергѣ отъ 25 Мая до 10 Юня, ожидая приближенія нашей арміи, которая въ началѣ Юня мѣсяца и начала прибывать. Полки наши приводили въ удивленіе мужественнымъ видомъ солдатъ, исправностію оружія и хорошимъ состояніемъ лошадей. Иностранцы не понимали, какъ Русскіе могли пройти, не останавливаясь, отъ Нѣмана до Рейна, съ такою поспѣшностію, сохранивъ во всѣхъ частяхъ оптимъ-

ный порядокъ. Особенно было пріятно смошрѣшь на воиновъ, выслужившихъ узаконенный двадцати-пяти лѣтній срокъ. Имъ предлагали опспавку въ началѣ наспошцаго года; но они, извѣспясь о походѣ, просили позволенія учаспвовашь въ ономъ. Галунъ на лѣвой рукѣ опличаешь сихъ велперановъ. Иоаннъ Мюллеръ сказалъ: »Природа показала, что она ода-»рила Россію необыкновенною силою. Ну-»жно только прикоснуться до нее, чтобы»увидѣшь, какъ Держава сія развиваеть»всеобъсмяющее свое могущество. Она»едва познакомилась при Владимірѣ съ»просвѣщеніемъ Грековъ, и при Петрѣ»съ образованіемъ Европейцевъ, какъ уже»сношенія ея обняли всѣ великія Дер-»жавы.« Если бы дѣписашель сей до-»жилъ до нашего времени, то присо-»вокупилъ бы: »лишь только двадцать»народовъ покусились нарушить благо-»денспвіе великой Имперіи, какъ въ пе-»ченіе полупора года по нашеспвіи ихъ»Русскіе уже въ другой разъ за Рейномъ.«

Между шѣмъ почши ежедневно соби-»рались Генералы Союзныхъ Державъ для»составленія плана военныхъ дѣйспвій.»Какъ въ подобныхъ случаяхъ водипся,»они сначала не соглашались во мнѣніяхъ

на счетъ операціонныхъ линій. Одни думали, что выгодноѣ, раздѣливъ арміи, одной изъ нихъ переправиться чрезъ Рейнъ въ Базель, прикрыть Швейцарію, и начать наступательныя движенія не прежде, какъ по присоединеніи къ ней Австрійскихъ войскъ, шедшихъ изъ Неаполишанскаго Королевства, а другой арміи, переправяся у Мангейма, итти по направленію на Сень-Дизье, и обвить арміямъ соединиться около Шомона. На сіе возражали, что принимая Шомонъ за почву соединенія, надлежитъ къ оному слѣдовать кратчайшимъ путемъ изъ Спрасбурга, а не изъ Базеля, ибо переправясь у сего послѣдняго города, лишаемся возможности въ случаѣ сраженія дѣйствовать совокупными силами. По долгихъ преніяхъ, въ копорыхъ разсуждаемо было также о продовольствіи и о помѣ, какихъ Державъ войскамъ поручить наблюденіе за непріятельскими крѣпостями, наконецъ рѣшился на слѣдующее: *первое*, Россійской арміи итти на Триръ чрезъ горы Гундсрюкенъ, не занимая Кейзерслаушерна, съ шѣмъ, что она, будучи въ готовности подкрѣпить армію Блюхера, направився на Сень-Дизье, а чрезъ то облегчитъ соединеніе свое съ

Авспрійцами, которые, перейдя Рейвъ въ Базель, пойдуть чрезъ Бекфоръ на Лангръ и Шомонъ, для сближенія съ Россіянами. *Второе*, Баварцамъ не начинать насупапельныхъ движеній до прибытія нашихъ войскъ, назначенныхъ для надзора за крѣпостями лѣваго берега Рейна. *Третье*, сорока одной тысячѣ Авспрійцевъ обложитъ Безансонъ, Оксонъ, Шлепшпадь, Бекфоръ, Гюнингень, Бризакъ, Форъ-Жу, Салинсъ и л'Эклюзъ. Изъ числа сихъ войскъ восемнадцати тысячамъ войши въ составъ гарнизона Майнца и блокадныхъ корпусовъ около Спразбурга и Лапдау. *Четвертое*, шридцати пяти тысячамъ Русскихъ обложитъ Мець, Тіонвиль, Сарлуи, Бичъ и Фальцбургъ, и одиннадцати тысячамъ изъ оныхъ посшупитъ въ блокадные корпусы около Спразбурга и Лапдау. Люксенбургскому гарнизону подкрѣплятъ войска, опредѣленные для блокады Меца и Тіонвила, и дѣйствовать съ ними совокупно, если нужда того востребуешь.

Въ слѣдствіе сего, Россійская армія, соединясь, около 20 Мая, между Кобургомъ, Бамбергомъ и Нюренбергомъ, слѣдовала къ Рейну въ прехъ колоннахъ по дивизіямъ, распояціемъ въ одномъ персе-

ходѣ одна опѣ другой. Авангарду ея падежало бытъ на Рейнѣ около 6 Юня, а послѣднимъ Русскимъ войскамъ приспѣшь шуда 17 Юня. Какъ по сему плану вся армія наша должна была находитья въ первой линіи, по велѣно Графу Вилгенштейну, расположенному на Курляндской и Липовской границахъ и въ Царствѣ Польскомъ, выступить въ походъ, такъ, чѣобы часть его войскъ направилась на Триръ, а другая расположилась около Бамберга, и сославляла запасъ для дѣйствующей арміи, а Графу Милорадовичу приказано съ гвардіею выступить изъ изъ С. Пепербурга въ Ковно.

Сіи предположенія оказались однако же мечтательными, ибо 8 Юня получено извѣстіе о началіи дѣйствій въ арміи Блюхера и о разбитіи сего полководца при Линьи. Хотя успѣхи Наполеона сами по себѣ не были значительны, ибо Пруская армія, вѣроятно, скоро должна была соединитья съ Англійскою; но послѣдствія ихъ могли бытъ важны въ политическомъ отношеніи: ибо общее мнѣніе, бывшее до сего раздѣленнымъ вразсужденіи предпріянія Наполеона, могло вновь обратиться въ его пользу. Немедленно собрагъ былъ Военный Совѣтъ,

въ копоромъ рѣшили оставишь прежде принятой планъ ипши нашимъ войскамъ на Трирь, и назначили двумъ арміямъ, Русской и Авспрійской, сосредоточишь на проспранствѣ между Майнца и Базела, и слѣдовашь къ Нанси, куда предположено было достигнуть 29 Іюня. Баварцамъ поручили прикрывашь наше правое крыло, а Графу Ланжерону, командующему шестымъ корпусомъ, обложишь Спразбургъ и Ландау. На случай опспупасніа армій, должны были поспроишь на Рейнъ при мостовыа укрѣпленія.

Едва приказанія для приведенія въ дѣйствіе сихъ мѣръ были разосланы, какъ 10 Іюня побѣдные клики возвѣспили о сраженіи при Ваперло. Радость была неописанная, пѣмъ болѣе, что, послѣ пораженія Прусаковъ при Линьи, не шолько не ожидали успѣховъ, но опасались услышашь о новыхъ подвигахъ Французовъ. Тотчасъ велѣно было нашей арміи и Авспрійской переправишьсѣ чрезъ Рейнъ и успремишьсѣ на Парижъ; а дабы имъ бышь сколь можно ближе одна опъ другой, то Рускіа войска, перейдя 14 числа Рейнъ, должны были сдѣлашь нѣсколько маршей влѣво вверхъ по сей рѣкѣ, оставя вправо опъ себя прямую

*

Парижскую дорогу. Нашей арміи назначено было слѣдовать по Франціи въ трехъ колоннахъ: правая находилась подъ начальствомъ Дожпурова, средняя Саксна, а лѣвая Раевского, при копорой Союзныя Монархи избрали свое пребываніе. Баварцы пошли впередъ насъ въ одномъ или въ двухъ маршахъ, а Виртембергскій Наслѣдный Принцъ прикрывалъ наше правое крыло со стороны Спрасбурга. Государь, на другой день послѣ сего извѣстія, переѣхалъ изъ Гейдельберга въ Мангеймъ.

Къ достопамятностямъ пребыванія нашего въ Гейдельбергъ, принадлежитъ также пріѣздъ шуда Великихъ Князей. Бывшій при воспитаніи Ихъ Высочествъ Генераль Ламздорфъ возвратился въ Россію, и мѣсто его занялъ Коновницынъ, копорому предстоела честь руководствовашъ на военномъ поприщѣ Внуковъ Екатерины. Доспойная награда шому, кшо въ великомъ дѣлѣ освобожденія Россіи снискалъ себѣ безсмертное имя!

ГЛАВА Ш.

Мангеймъ. — Шпейеръ. — Парижскія новости. — Депутаты Временнаго Правительства. — Обращеніе съ Французами. — Партизаны. — Нанси.

Мирный и пуспышный Мангеймъ наполнился Русскими; на улицахъ его только и видны были безчисленные ряды нашихъ войскъ, артиллеріи и обозовъ, плывшихся за Рейнъ. Однако же, все возбуждало, что война не могла бытъ продолжительна, ибо извѣстія, получаемыя съчасомъ изъ Франціи, свидѣтельствовали о быспрыхъ успѣхахъ Веллингтона и Блюхера. Вскорѣ мы узнали и объ опреченіи опъ престола Наполеона, безъ котораго Французы не были въ состояніи съ нами восвать. Нѣсколько разъ носились слухи о его смерти, и будто въ непріятельской арміи опдано было въ приказъ, que le grand homme a passé. Начальники Французскихъ передовыхъ войскъ неоднократно предлагали заключить пере-

миріе; одинъ изъ нашихъ Генераловъ на сіе было согласился, полагаясь на увѣреніе Французовъ, что съ опреченіемъ Наполеона прекращающіяся военныя дѣйствія; но Государь былъ симъ поступкомъ недоволенъ, и приказалъ подтвердить всѣмъ Генераламъ, чпобы не вступали ни въ какіе переговоры съ непріателемъ. Въ концѣ собщвенноручнаго повелѣнія по сему предмету Его Величества къ Фельдмаршалу Барклаю де-Толли было сказано: »Съ благословеніемъ Всевышняго, съ помощію шаковыхъ полководцевъ, каковы вы, и съ храбростію неощенныхъ нашихъ войскъ, Я надѣюсь привести къ окончанію сію новую войну и достигчь до благодѣтельнаго для цѣлой Европы мира.«

15 Іюня поушру мы отправились изъ Мангейма въ Шпейеръ. Войска проходили по мосту черезъ Рейнъ, и попому я долженъ былъ ѣхать по оному шихо, и смотрѣлъ безмолвно на каршинные берега рѣки. Шпейеръ принадлежишь къ самымъ стариннымъ городамъ; въ немъ любопытенъ Соборъ, гдѣ погребали долгое время Германскихъ Императоровъ. Здѣсь покоишься Рудольфъ Габсбургскій, копораго памятникъ разломанъ; а близъ него ле-

жилъ прахъ Императора Генриха IV, который ходилъ пѣшкомъ въ Римъ просить у Папы оппущенія грѣховъ. Гробница его въ цѣлоспи, между пѣмъ, какъ на обломкахъ гробницы основашся Австрійской Монархїи лежатъ овесъ и солома, пригоповленные для проходящихъ войскъ.

16 *Юня*. Я ѣхалъ одинъ изъ Шпейера въ Рейнсабернъ, имѣя вправо цѣпь Богезскихъ горъ, коихъ подошва усѣяна богатѣйшими сселенїями; по лѣвую сторону пропекалъ Рейнъ, омывающій плодосную долину, а позади его синѣлись горы благословенной Германїи. Вершины ихъ покрышы развалинами рыцарскихъ замковъ, сдва мслькавшими изъ-за тумана, сквозь который проходили первые лучи солнца. На половинѣ дороги я видѣлъ крѣпость Ландау; шамъ непрїатели, а здѣсь Русскіе шли въ гусномъ спрѣ: эшо подало поводъ къ размышленїю о полипическомъ равновѣсїи — семъ благодѣпельномъ феноменѣ, явившемся въ послѣднїя при сполнїи — которос шоль шѣсно соединило между собою Державы, что для благоденствїя ихъ нужно, чтообы Русскїя войска были съ оружіемъ въ рукахъ въ пѣдрахъ Франціи, между

лѣтъ, какъ Французы въ собственнѣйшей землѣ своей укрываются въ крѣпостяхъ.

Парижскія новости сосставляли предметъ общихъ разговоровъ; всѣ читали съ жадностію Французскія Вѣдомости, въ которыхъ изображалась борьба различныхъ парсій, господствовавшихъ во Франціи. Никогда Членамъ Палаты и журналистамъ не представлялось обильнѣйшаго поля для преній. Пользуясь правомъ свободнаго книгопечатанія, они описывали лѣтъ минушыхъ, когда полководецъ, одаренный чрезвычайными воинскими способностями, принужденъ, подобно Аннибалу послѣ Замы, искать спасенія въ бѣгствѣ, когда соотечественники ихъ, долго привыкшіе къ побѣднымъ слухамъ, видящія арміи свои сокрушенными, когда многочисленныя ополченія народовъ подступаютъ къ столицѣ ихъ, — словомъ скажутъ, лѣтъ минушыхъ, когда опечесство ихъ гибнетъ. Одни оплакивали народную честь и славу, поперявныя безвозвратно; другіе пилились упованіемъ счастливаго переворота: но всѣ думали найсти обезпеченіе независимости своей въ политическихъ формахъ. Спранно, что почти никто не обращалъ вниманія на диктаторскую власть, копорая одна спасала

Державы, бывшія въ такомъ положеніи, въ какомъ находилась Франція. Духъ журналистовъ упадалъ ежедневно болѣе, по мѣрѣ, какъ они узнавали о повсемѣстномъ опсущупленіи ихъ армій, и объ увеличивающихся успѣхахъ Союзниковъ. Сколько занимательно содержаніе Парижскихъ Вѣдомостей, столько же примѣчательно краснорѣчіе ихъ издастелей: самыя заблужденія ихъ и лжеумствования писаны щегольскимъ перомъ.

18 Іюня мы высупили изъ Вейсенбурга въ Гагенау, куда я пріѣхалъ въ прекраснѣйшее упрое, имѣя во всю дорогу въ виду очарователныя мѣстоположенія. Проѣзжая Гагенаускій лѣсъ, я наслаждался благоуханіемъ деревъ и прохладою лѣшняго вѣперка. Если всегда пріятно быть посреди природы, то сколь безцѣнны шѣ мивупы, копорыя проводимъ въ нѣдрахъ ея во время военное, когда малѣйшая изъ красотъ ея заставляеть забыватъ и спраести, обуревающія свѣтъ, и бѣдствія челоувѣчества, копорыя видимъ безпрестанно предъ собою! Миновавъ лѣсъ, открылся Спразбургъ и множество городовъ и деревень, лежащихъ вдоль Рейна. Здѣсь я встрѣшилъ 17-ю пѣхошную дивизію. Опличи-

пельная черта нашихъ солдатъ есть, что ихъ ничто не удивляетъ: они съ тѣмъ же равнодушіемъ смотрѣли на мѣста, по коимъ шли, какъ бы находились въ Россіи; иногда опголосокъ заунывныхъ пѣсень напоминалъ Волгу и Днѣпръ.

Мы извѣспились въ эпопѣе день, что въ Парижѣ учреждено Временное Правительство, которое отправило чиновниковъ въ нашу Главную кварширу. Союзные Государи послали къ нимъ на встрѣчу Графа Шувалова, съ препорученіемъ сказать, что Монархи не намѣрены принять ихъ, что чиновники должны объявить Графу предложенія своего правительства и ожидать въ Реймсѣ отвѣта. Графъ Шуваловъ съ ними разѣхался, и Депутаты прибыли въ Главную нашу кварширу. Ихъ было шестеро, а именно: Лафаетъ, Себастіани, Лафоре, Понспекуланъ, Аржансонъ и Бенжаменъ-Конспанъ. Они привезли письма къ союзнымъ Министрамъ Иностранныхъ Дѣлъ, съ полномочіемъ вступить въ переговоры. Между тѣмъ, какъ Спашсъ-Секретарю Графу Каподистрія вѣрно было съ ними объясниться и сказать имъ, чтобы они ѣхали въ Лаушербургъ, верспахъ въ пашнадцати ошъ Гагенау, куда имъ обѣщано

прислать отвѣтъ, — Лафаетъ пришелъ къ Начальнику Шпаба Государева, однако же не былъ имъ принятъ. Когда онъ вошелъ въ переднюю комнату Начальника Шпаба, то Адьюпантъ спросилъ его, кто онъ таковъ. »Не бывъ коронованною главою, я пользуюсь уваженіемъ Монарховъ,« отвѣчалъ Лафаетъ. Графъ Каподиспрія пробылъ у Депушаповъ весь вечеръ, и выходя отъ нихъ въ полночь, сказалъ мнѣ: »Они говорятъ, что Палапы признали Императоромъ сына Наполеонова; но изъ словъ ихъ видно, что это одна личина. Себастьяни объясняются лучше и умнѣе, нежели прочіе. Бенжаменъ-Константъ слишкомъ горячился.«

Наслѣдный Принцъ Виртембергскій разбилъ непріятельскаго Генерала Раппа, и принудилъ его опспустить къ сѣнамъ Стразбурга. Чрезъ часъ послѣ полученія о семъ донесенія, Государь опсправилъ къ Принцу до шридцати орденовъ для награжденія оными опшличившихся. Въ то же время составили особой корпусъ, подъ начальствомъ Генерала Гогенцоллерна, для обложенія Стразбурга, а Принцу Виртембергскому велѣно примкнуть съ своими войсками къ нашему лѣвому крылу. Будучи такимъ образомъ

обезпечены со стороны Спразбурга, мы пойдём не на Кенигфельдъ и на Муцигъ, какъ полагали прежде, а прямо на Савернъ, чѣмъ сократимъ двумя переходами путь къ Нанси, куда прибудемъ черезъ чепыре дня. Къ нашей лѣвой колоннѣ присоединяюшя впорая и прерпя гренадерскія дивизіи, и Прусская гвардія и гренадеры, копорыхъ Король подчинилъ Барклаю. По сему поводу Государь написалъ къ нему, чпобы онъ вѣжливимъ письмомъ изъявилъ Королю свою благодарность за сдѣланную ему честь порученіемъ подъ его начальство сихъ опборныхъ войскъ.

21 *Юли*. Зной необыкновенный; но армія, не оспанавливаясь, дѣлаешъ самыя большіе переходы, испинно Суворовскіе; мы не имѣли еще ни одной дневки съ самой переправы чрезъ Рейнъ. Войска однако же не унываюшъ, и походъ не можешъ бытъ для насъ благопріятнѣе, пошому, чпо получаемъ почти ежедневно извѣспія объ успѣхахъ нашихъ Союзниковъ: на югѣ Австрійцы пѣсняпъ Лекурба, а Англичане и Пруссаки находяшя близъ Парижа. Въ нашей Главной квартирѣ почти не примѣпно, чпо сущешвуешъ война; мы выступаемъ въ по-

ходъ обыкновенно очень рано, ѣдемъ прекрасною дорогою, всѣ довольны, Государь верхомъ и весель. Слѣдованіе нашихъ войскъ по непріятельской землѣ никогда не было устроено съ бѣльшимъ порядкомъ; доказательствомъ служишь то, что по сихъ поръ не подано еще ни одной жалобы со стороны жителей; сіе опчаси происходитъ и опъ того, что наши опасаются имѣшь какой либо споръ съ Французами, пошому что начальство наше при разбирашесьсь обыкновенно сихъ послѣднихъ оправдывающъ. Хотя сія мѣра не всѣмъ кажешся справедливою, однако же я думаю, что нельзя довольно щадить жителей непріятельской земли, и заспавлять ихъ забываешь несчастіе — видѣшь чужеземныя войска въ своемъ отечествѣ. За то Французы спакъ довольны Русскими, что Меръ или Городничій одного города сказываешь мнѣ, что обываешь окружныхъ селеній просили его изъ милоспи помѣщаешь къ нимъ поспоешь Русскихъ предпочпительньо предъ другими союзными войсками.

По вечерамъ бываетъ у насъ музыка, и мы гуляемъ по окреспшоспямъ пѣхъ мѣсшь, гдѣ оспанавливаемся для почлеговъ. Сегодня прибыли мы въ Сарбургъ,

а упромъ проходили Вогезскія горы. Послику крѣпость Фальцбургъ намъ не сдалась, и она спойпъ на большой дорогѣ, по кошорой намъ надлежало слѣдовапъ; по мы принуждены были ее обходипъ происками, по лѣвую спорону опъ крѣпости. Маршъ былъ весьма зашруднишеленъ, по причинѣ высокихъ и крупыхъ горъ; но мѣспоположенія споль красивы, что я забывалъ успалость. Авспрійскіе обозы тянулись съ шрудомъ по торамаъ. Не говоря о полковыхъ шяжеспяхъ, у одного Имперашора Франца спо семьдеспяпъ дпяпъ экипажей, а весь обозъ нашего Государя соспойпъ изъ придцапн чеспырепъ повозокъ. Графъ Ожаровскій былъ посланъ шребовапъ сдачи Фальцбурга, но получилъ опказъ. Коменданшы Французскихъ крѣпостей опвѣчаюпъ обыкновенно съ опмѣннымъ благородспвомъ на дѣлаемыя имъ предложенія о сдачѣ; будучи образованы въ побѣдоносныхъ спанахъ, они не могутъ привыкнутьъ къ шой мысли, что они побѣжденные.

Въ городахъ и деревняхъ жители, споя у дверей, на насъ спопряпъ; они сполько спспрадали опъ беспреспанныхъ перевороповъ, что предались совершенно-

му равнодушію. Я видѣлъ Нѣмцевъ во время ихъ униженія: духъ пакъ сильно не упадалъ у нихъ, какъ у Французовъ, которые неохотно говоряшъ о полиптическихъ происшествіяхъ; я видѣлъ даже шаковыхъ, которые отказывающя отъ чпенія Вѣдомоспей. Можно сказать, что Франція заключается въ Парижѣ, и обывашели Департаментовъ ожидающъ, что изъ столицы прикажутъ провозглашашъ; Республику, или Генриха Четвершаго, или Имперію.

Іюня 22. Не успѣли мы пройти Вогезскія горы, какъ Французы образовали въ оныхъ партизанскую войну; отряды ихъ находяшя подъ начальствомъ двухъ отставныхъ офицеровъ, Вольфа и Бриса. Вчера одинъ изъ моихъ поварищей былъ посланъ изъ Сарбурга въ Нанси; пробъвавъ нѣсколько верспъ, онъ увидѣлъ показавшихся изъ лѣсу креспьянъ, числомъ около ста, которые начали по немъ стрѣляшъ не взирая на то, что съ нимъ было восемь казаковъ прикрытія; они ранили офицера и двухъ казаковъ. Извѣстіе сіе произвело небольшое безпокойство въ нашей Главной квартирѣ, потому что предположено было пуститъ впередъ съ вечера соупшешвующія намъ одиннадцатую

и семнадцатую дивизию, а Государь намѣренъ былъ ѣхать въ слѣдъ за ними сегодня поуспру; въ конвоѣ же Его Величества находящяся только двѣнадцатъ лейбъ-казаковъ. Въ слѣдствіе сего происшествія велѣно опушку лѣсовъ на дорогахъ занимать пѣхою, и мы пойдѣмъ уже съ войсками. Какая разница между сими Французскими партизанами и Русскими, существовавшими въ оппечесвленную войну! Сии послѣдніе находили живѣйшее содѣйствіе между жипелями пѣхъ мѣшъ, гдѣ они показывались, въ то время, какъ Франгузы порицаютъ своихъ партизановъ. Меръ городка Блалеона извѣспилъ даже письмомъ о испинно злодѣйскихъ и разбойничьихъ намѣреніяхъ ихъ, копорья къ счаспію однако же не совершились.

Іюня 23. Мы пріѣхали въ Нанси, одинъ изъ любопытныхъ городовъ по большимъ площадямъ, широкимъ улицамъ, прекраснымъ гульбищамъ, садамъ и алеямъ, насаженнымъ Спаниславомъ Лещинскимъ. Чернь воспавала вчера и преспяго дня противъ Бурбоновъ. Трудно знатъ, кого Франгузы жслаютъ: они называютъ Буонапарша жеспокимъ, Бурбоновъ слабыми, а республиканцами бытъ не хотятъ; по

всѣ соглашались, что конспиратионное Правленіе необходимо. Бунпы, бывшіе на сихъ дняхъ, происходили опъ того, что пѣкопорые изъ жипелсей надѣвали прехъцвѣшныя кокарды, а другіе бѣлыя и орденъ Лиліи; паршизаны и жандармы приходили изъ близлежащихъ крѣпосней и возбуждали народъ къ сопротивленію Союзнымъ войскамъ, увѣряя, что Наполеонъ приближается съ сильною армією. Чернь ходила толпами по улицамъ, грозя ограбить дома преданныхъ Королевской партіи. Она собралась передъ окнами дома, гдѣ живешъ тяжело раненый Ромиспръ Бервицъ, бывшій Адъютантъ Князя Баграціона. »Смерть Русскому! мы »пребуемъ его крови!« кричала народная сволочь. Для опвращенія подобныхъ явленій, приказано опобрашь оружіе опъ жипелей; они сами приносили оное въ дома, назначенные для складки. Я видѣлъ одного Француза, копорый, опдавая шпагу свою, поцѣловалъ ее со слезами. Едва наши войска заняли Нанси, какъ на Рапушѣ было выспавлено бѣлое знамя, украшенное лиліями, и множество людей съ знаками сего ордена покрыли улицы и площади.

Французы всѣхъ сосполній обращаютъ

особенное вниманіе на Государя. Лѣспница, стѣны и переднія комнаты дома, гдѣ Его Величество изволилъ оспанавливатъся, бывающъ наполнены народомъ съ утра до вечера; лучшіе люди города ожидаютъ по нѣскольку часовъ минуны, чптобы взглянуть на Императора: не такъ бываетъ на улицахъ, гдѣ живутъ прочіе Союзные Монархи.

Въ Нанси я познакомился съ одною Русскою барынсю, вышедшею за-мужъ за Француза, и тамъ поселившюся. Сколь ей радостно было увидѣть своихъ единокотцевъ въ своемъ новомъ отечествѣ, сіе легко можно себѣ представить, а чпто она оказывала услуги плѣннымъ и раненымъ нашимъ, то весьма спспественно. Она разсказывала мнѣ о разныхъ неприятностяхъ, претерпѣнныхъ ею отъ Французскаго Правительствя, особенно во время правленія Наполеонова, съ какимъ презрѣніемъ, каковаго отъ Россіянки ожидать должно къ споль безнравственнымъ людямъ, каковы чиновники бывшаго Повелителя Франціи.

Іюня 26. Партизаны спановляющя безпреспанно предприимчивѣе; увѣряютъ, чпто начальникъ ихъ, Брисъ, ночевалъ въ Нанси, въ день нашего отъѣзда. Сегодня

они показывались въ виду Государя, изъ
лѣса, по обѣимъ сторонамъ дороги, на
возвышеніяхъ, съ копорыхъ они подають
сигналы другъ другу. Они ранили одного
гусара, и Государь, услыша выстрѣлъ сей,
поѣхалъ съ Австрійскимъ Императоромъ
на ту самую гору, откуда онъ раздался.
Нѣкто сказалъ при семъ случаѣ, »что
»въ первый разъ въ свѣпѣ разбойники
»нападають на двухъ Императоровъ.« Но
это скоро было забыто, ибо на переходѣ
между Нанси и Линьи мы получили из-
вѣстіе о занятіи Парижа Англійскими и
Прусскими войсками: разговоры о мирѣ
и о Парижѣ, котораго память еще пакъ
свѣжа, заступили мѣсто приговоровъ
къ военнымъ дѣйствіямъ.

ГЛАВА IV.

СОСТОЯНІЕ ФРАНЦІИ. — ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ ГЛАВНОЙ КВАРТИРЫ. — ДОРОГА ДО ШАЛОНА. — ДОРОГА ДО МО. — ВЪѢЗДЪ ВЪ ПАРИЖЪ. — СВИДАНІЕ ГОСУДАРЯ СЪ ЛУДОВИКОМЪ XVIII. — ДВОРЕЦЪ ЭЛИЗЕ-БУРБОНЪ. — ЗАМѢЧАНІЕ О ВТОРИЧНОМЪ ВЪѢЗДѢ ГОСУДАРЯ ВЪ ПАРИЖЪ.

Франція находилась въ сіе время въ безначаліи; разсѣяныя войска ея соединялись на лѣвомъ берегу Лоары; народъ ругался надъ мѣстными начальствами; въ нѣкопрыхъ городахъ обнаруживалась междоусобная война; Народное Собраніе, непризнаваемое законнымъ Союзными Государями, было раздѣлено во мнѣніяхъ, кого надлежало избрать на престоль Франціи; Парижане волновались и были ожесточены нѣкопрыхъ поступками Союзниковъ, особнно тѣмъ, что Пруссаки намѣревались взорвать Іенскій мостъ. Безопасность Парижа была угрожаема мятежными жителями сего города; пе-

лѣзя было полагагашься на національную гвардію, потому что она въ печеніе полупора года присягала премоу Правительствамъ, совершенно различнымъ одно опъ другаго. Въ семъ положеніи Веллингтонъ и Блюхеръ почли выше силъ своихъ возстановить порядокъ; имъ надобно было, сверхъ того, знать дальнѣйшія намѣренія Союзныхъ Государей, и посему, извѣстія ихъ о занятіи Парижа, они убѣдительно просили Монарховъ объ ускореніи прибытія своего въ сію столицу.

Лѣвая колонна Россійской арміи, съ копоромъ слѣдовали Ихъ Величества, приняла 27 Іюня въ Сентъ-Дизь, разстояніемъ опъ Парижа на 220 верстъ: слѣдовательно она не могла бытъ тамъ прежде семи или осми сутокъ, а между тѣмъ каждая миута была драгоцѣнна. Хотя Французы были обезсилены, хотя ихъ крѣпости были обойдены, ихъ войска обращены въ бѣгство, земля ихъ болъшею частію занята иностранными арміями: но невозможно было пренебречь опчаяніемъ, которое могло поселиться въ народѣ, состоящемъ изъ двадцати пяти милліоновъ жителей, говорящихъ однимъ языкомъ и помнящихъ недавнюю славу своего имени. Миута медленности

заспавила бы, можетъ быть, проливапъ рѣки крови человѣческой. Съ другой стороны казалось слишкомъ опважнымъ проѣхатъ изъ нашей Главной кварпирь до Парижа болѣе 200 верстъ проспранства, незанятого нашими войсками.

Государь рѣшился однако же отпра-
витьсѣ изъ Сень-Дизье, слѣдовательно
изъ того самаго города, гдѣ Наполеонъ,
въ Маршѣ мѣсяцѣ 1814 года, сдѣлавъ дви-
женіе на линію сообщеній Союзныхъ ар-
мій, лишился престола. Главная кварпирь
наша продолжала слѣдованіе съ лѣвою
колонною чрезъ Сезанъ и Куломье, а Его
Величество, оставя оную 27 Іюня, по-
ѣхалъ чрезъ Шалонъ, вмѣстѣ съ Импе-
раторомъ Францомъ, съ коимъ находи-
лись Канцлеръ Князь Мешпернихъ и
Оберъ-Гоѣмаршалъ Графъ Врбна и съ Ко-
ролемъ Прусскимъ, коему сопутствовалъ
Канцлеръ Князь Гарденбергъ, а при Госу-
дарѣ находились Сшашсъ-Секретари по ино-
спранной частп и Начальникъ Его Шшаба,
при копоромъ былъ я. Мы всѣ помѣсппи-
лись въ девяти экипажахъ, и положено
было не отспавать другъ отъ друга и
ѣхатъ вмѣстѣ. На каждой спанціи до го-
рода Мо выставлено было по пятидеся-
ти казаковъ, назначенныхъ насъ сопро-

вождашь подъ начальствомъ Графа Орлова-Денисова, который на одной и той же лошади, слѣдуя за скорою нашею почтовою ѣздою, вмѣстѣ съ нами въ одинъ день прибылъ въ Шалонъ. Множество народа окружало насъ во всѣхъ селеніяхъ, особенно на почтахъ; жители принимали насъ довольно равнодушно, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они буйными толпами пѣснились вокругъ коляски Государя, и грубымъ и сиповатымъ голосомъ, свойственнымъ Французскимъ крестьянамъ, провозглашали имъ Генриха IV, то Короля Римскаго, то Императрицу Марію Луизу, то Людовика XVIII, иногда Наполеона, — но чаще всего слышно было: да здравствуетъ Императоръ Александръ! О прочихъ Союзныхъ Государяхъ не упоминалъ никто ни слова. Такъ и простой народъ во Франціи знаетъ, что отъ Русскаго Царя зависитъ участь его.

Должно удивляться, съ какою смѣлостію Государь рѣшился на столь опасную путь, въ которомъ соння рѣшительныхъ Французовъ могла перемѣнить участь вселенной. Мы объѣзжали почти непроходимую дефилею крѣпость Винпри, которая еще не сдавалась, и гдѣ было нѣсколько тысячъ гарнизону. Она обложена

малымъ числомъ нашихъ драгуновъ; Французы со спѣнъ ясно могли видѣть наше слѣдованіе; двѣ колонны вышли изъ города, я содрогнулся, но онѣ скоро возвратились обратно въ оной. Государь могъ сказать въ подражаніе Кесарю: »чего ты спрашишься, ты везешь Александра!«—Вечеру мы пріѣхали въ Шалонъ, гдѣ остановились для ночлега. Улицы долго наполнены были народомъ; жители удивлены нашимъ пріѣздомъ; они не постигаютъ, какимъ образомъ мы находимся посреди ихъ безъ войскъ.

28 Іюня, рано поутру, мы отправились въ путь по большой дорогѣ ведущей чрезъ Эперней, Шапюшьерри и Мо. Рѣзвые кони несли насъ по плодоносной равнинѣ, орошасмой Марною, коея берега, испещренные цвѣтами, образуютъ прекраснѣйшія мѣстоположенія. Отъ города Мо, копорыи невольно напоминаеть Боссюэпта, мы ѣхали безъ прикрытія, и встрѣчали на каждомъ шагу Французскихъ солдатъ, возвращавшихся поодинакѣ въ дома свои; у нѣкоторыхъ были ружья, на кои они едва осмѣливались смотрѣть. На лицахъ ихъ начертана была горечь, и всѣ кланялись намъ вѣжливо. Это были остатки арміи, называвшейся цѣкогда

великою; вѣроятно, нѣкоторые изъ сихъ воиновъ были за два года въ Кремлѣ! Какое разспояніе опть сего унизительнаго соспояніа до шой гордости, которую Французы оказывали прежде! Сердце мое сильно зашрепешало, когда мы проѣхали мимо деревни Бонди, гдѣ мы провели незабвенную ночь наканунѣ 19 Марша 1814 года, и гдѣ объявлено было Коленкуру, что съ пославшимъ его прекращающіяся всякія сношенія, и что съ нимъ въ переговоры болѣе вступать не намѣрены. За селеніемъ Панпень открылись предъ нами Монмаршрѣ, все проспранспиво опть Сень-Дени до Венсена и Парижѣ — готовый приняшь своихъ избавителей!

О Россія! на какую степень славы ты вознесена! Въ другой уже разъ Царь швой предписываетъ законы Европѣ, въ другой разъ Монархи и народы избирають его посредникомъ своимъ, въ другой разъ могущеспвенная армія швоя даруетъ миръ вселенной! Признаюсь, что я почипалъ себя счастливымъ, находяся шоль близкимъ свидѣтелемъ ея шоржеспва, которое въ шу минушу исполняло всю душу мою. Неизъяснимыя чувспва и мысли волновали меня, когда мы въ семь часовъ вчсера вѣѣхали въ предмѣ-

стіе Парижа; уже мы въ воропахъ Сень-Маршенъ, уже на бульваръ, уже въ улицъ Сеньш-Оноре! Толпы народа бѣгутъ за нами. Парижане не полагали такъ скоро видѣть Государя; радости ихъ спановишся пѣмъ сильнѣе, чѣмъ прїездъ Его Величества для нихъ неожиданнѣе. Многіе смотрявъ на Государя и не узнаютъ Его, а потомъ, подобно челоуѣку, заключенному въ мрачную шемницу, кошорый впервые по освобожденіи видишь дневное свѣпило, Парижане взываютъ въ восторгъ: вошъ Александръ! вошъ нашъ избавитель! вошъ Русскіе!

Государь оспановился во дворцѣ, называемомъ Элизе-Бурбонъ, гдѣ изволилъ жить и въ прошломъ году. Чрезъ полчаса прибылъ Король Французскій, кошорого Императоръ встрѣшилъ на крыльцѣ. Оба Монарха провели вмѣстѣ болѣе часа. Когда они вышли изъ комнашы, въ кошорой бесѣдовали, по на Государѣ была голубая лента ордена Свяшаго Духа, и Лудовикъ XVIII, обращая къ намъ, сказалъ Государю: »Ваше Величество, объявише симъ господамъ, что на васъ не лента »Св. Андрея Первозваннаго.« Они распались, по видимому, ласковѣе и дружнѣе, чѣмъ встрѣпились. Если бы сердце Але-

КСАНДРА доступно было самолюбію, по какому удовольствію должно оно было предаваться въ семь свиданій, гдѣ онъ являлся въ видѣ наспоющаго покровишеля Короля Французскаго, коего предки, въ недавнія еще времена, при всякомъ всякомъ удобномъ случаѣ спаралися брапъ первенство надъ нашимъ Дворомъ!

Послѣ отъѣзда Короля, народъ до самой ночи полпился на улицѣ передъ дворцемъ Элизе-Бурбонъ, гдѣ Государь оспановился и гдѣ Наполеонъ провелъ послѣднее время царствованія своего, и опрекся опъ преспола. Никшо не занималъ компанпъ его; мебели въ оныхъ въ шакомъ же положеніи, какъ онѣ были при немъ; его садовники, нѣсколько приврапниковъ и служипелей не лишились мѣспъ своихъ; садъ сохраняется въ шакомъ же порядкѣ; два лебедя, какъ и при немъ, плавають по чистому пруду. Между тѣмъ, какъ присланные изъ Тюльерійскаго дворца мепрѣ-д'ошели въ нарядныхъ кашапахъ, съ напудренными головами, и украшенные орденами Лиліи, накрывали на столъ и успавляли его отборнѣйшими винами и самыми лакомыми яспвами, я ходилъ по компанамъ Элизе-Бурбонъ, и заглянулъ въ темныя алеи его сада, ду-

мая, что до послѣдняго вѣка, въ который прекратился существованіе нашего міра, люди будутъ спекашья сюда, размышлять о превратности Царствъ и вспоминать объ Александрѣ, который здѣсь, въ черпгахъ своего соперника, сполна на высшей степенн чловѣческаго величія, предавался уединенію и возносился мыслію къ небу.

— Если ничто не можешъ сравншья съ шоржесшвеннымъ всшупленіемъ нашимъ въ Парижъ въ прошломъ году, когда Государь, послѣ невѣроятныхъ пожертвованій, усилій и побѣдъ, предводительствовалъ своими войсками, и былъ встрѣченъ ожидавшимъ Его милліономъ жшпелей, то нынѣшній вѣздъ Его Величества въ сію столицу оспанется не менѣ памятнымъ. Онъ есть единственншй въ лѣтописяхъ міра, ибо не слышно, чтобы Монархъ вѣзжалъ въ столицу шпріятельскую безъ одинаго война и съ малымъ только числомъ приближенныхъ особъ, чтобы часъ всшупленія его сдѣлался залогомъ общаго спокойствія, и чтобы побѣжденный народъ сказалъ, говоря о своихъ побѣдштеляхъ: «Избавишешли наши прибыли, и мы спасены.»

ГЛАВА V.

РАСПОЛОЖЕНІЕ ПАРИЖАНЪ. — ГРАФЪ СЕГЮРЪ.
— АУДИЕНЦІИ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ. — ГЕНЕРАЛЪ
САРРАЗЕНЪ. — ПЕРЕГОВОРЫ. — СМОТРЫ АНГЛІЙСКИХЪ ВОЙСКЪ. — ЖИВОПИСЕЦЪ ЖЕРАРЪ.

Вѣсть о прибытіи Государя въ Парижъ, съ несимовѣрною быспрошею разнеслася по городу, и успокоила всѣ сословія жителей на счешъ безопасности ихъ, ибо всѣ различныя паршіи, господствовавшія во Франціи, признавали Его своимъ покровителемъ. Онъ возстановилъ Бурбоновъ, оказывалъ уваженіе фамиліи Герцоговъ Орлеанскихъ, покровительствовалъ семейству Наполеонову, и полагалъ преграды неумѣреннымъ требованіямъ нѣкопорыхъ изъ Союзниковъ: Іенскій мостъ тогда же запрещено имъ было взрывать. Крестьяне прилежащихъ къ Парижу селеній, пригнавшіе въ споллицу скотъ свой, и перевезшіе въ оную лучшіе пожипки, изъ опасенія, чпо-

бы онъ недоспалися въ руки побѣдипселей, узнавъ о прибышїи Государя, немедленно начали возвращапсья въ жилища свои.

Я слышалъ подробныя о семъ извѣстія опъ Графа Сегюра, бывшаго Посломъ при Екатеринѣ, въ домѣ копораго для перваго ночлега отвели мнѣ квартиру, ибо комнапа моя въ Элизе-Бурбонѣ не была еще готова. Онъ меня принялъ посреди многочисленнаго собранія, у него находившагося, и вспрѣшилъ сими словами: »Вы еще слишкомъ молоды, чѣобы помнишь то время, когда я »былъ въ Россїи.« Я опвѣчалъ, чѣо пребываніе его оставило въ памяти соотечественниковъ моихъ неизгладимые прїяпные слѣды. Хотя я и замѣнилъ, чѣо нѣкопорымъ изъ госпей, преимущественно изъ молодыхъ, не совсѣмъ уптѣшительно было смопрѣшь на мой Русскій мундиръ: однако же, извиняя сіе весьма еспественное чувствво народной гордости, я симъ не забопился, и съ часъ слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ разговоры моего почшеннаго хозина, пользовавшагося расположеніемъ Екатерины, Вашингтона и Наполеона, и копорый, будучи Посломъ, изгнанникомъ, царедворцсмъ

и государственнымъ человекомъ, не преспавалъ обогащая ученый свѣтъ сочиненіями, и такъ успроилъ жизнь свою, какъ будто бы она исключительно посвящена была Наукамъ. Мнѣ кажется, что одно изъ самыхъ пріятныхъ явленій въ мірѣ есть мужъ преклонныхъ лѣтъ, который съ спокойствіемъ взираетъ на закапъ дней своихъ, въ увѣреніи жить долго въ памяти людей не по однимъ скорисчезающимъ словеснымъ преданіямъ, но по подвигамъ своимъ, или по произведеніямъ ума и воображенія.

На другое утро Элизе-Бурбонъ наполнился множествомъ иностранцевъ, желавшихъ представиться Государю: шупъ находилия и республиканцы, какъ напримеръ Фуше, которые засѣдали въ кровавомъ судилищѣ Національнаго Конвента, и поклонники различныхъ власпей, попеременно обивавшихъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Нельзя было безъ любопытства смотрѣть на лица сіи, коихъ имена были болѣе или менѣе извѣсны по Исторіи послѣднихъ прицати лѣтъ. Къ обильнымъ происшествіямъ сей достопамятной эпохи недоспавало только, кажется, видѣть сихъ людей въ пріемныхъ залахъ Русскаго Монарха, гдѣ они спояли

смѣшавшись съ Прусскими и Англійскими офицерами. Государь обнялъ Блюхера, копорый, въ продолженіе послѣднихъ войнъ, при каждомъ случаѣ обнаруживалъ особенную свою приверженность къ Императору: »Онъ мой судья, говаривалъ сей полководецъ: я опть него принимаю охотно и выговоры и награды.«—Генералу Ципену, споявшему подлѣ меня, Государь сказалъ: »Я васъ зналъ Каппианомъ въ походѣ 1807 года: тогда мы были въ другихъ обстоятельспвахъ; но не спыдно признаваться въ неудачахъ для тѣхъ, копорые успѣли воспользо- ваться уроками.«

По окончаніи аудіенціи, явился ко мнѣ человекъ во Французскомъ генеральскомъ мундирѣ; это былъ Сарразенъ, извѣстный своими похождениями и разными военными сочиненіями. Когда онъ объяснилъ причину, по копорой онъ ко мнѣ прѣхалъ, я сказалъ ему, что и я намѣренъ воспользоваться симъ случаемъ, что бы его просить объ одномъ дѣлѣ. — »Приказывайше,« ошвѣчалъ онъ.—Въ предисловіи къ походу въ Испанію, продолжалъ я, вы назвали Князя Купузова бѣгльцомъ изъ подѣ Аусперлица. Знаете ли вы, кто шakovъ былъ спаситель Россіи? —

Изложивъ ему вкратцѣ жизнь нашего Камилла, я заспавилъ его признашсья, что онъ не имѣлъ понятія ни о свойствахъ, ни о подвигахъ великаго мужа, и дасть мнѣ слово въ слѣдующемъ изданіи — уничтожить сіе неприличное выраженіе.

Въ скоромъ времени Русская армія приблизилась къ столицѣ Франціи, и расположилась въ недалекомъ отъ оной разспояніи; много нашихъ Генераловъ и офицеровъ пріѣхали въ Парижъ; почти у всѣхъ были въ семъ городѣ прошлогодніе знакомые и связи: человекъ такъ легко привыкаетъ къ самымъ чрезвычайнымъ случаямъ жизни, что посѣщая вооруженною рукою Парижъ, и бывъ шамъ домашнимъ человекомъ во многихъ семействахъ казалось тогда самую простую вещь. Поушру находились въ Элизе-Бурбонъ тѣ же самыя лица, копорыя прежде сѣзжались въ Секретарской комнатѣ Зимняго дворца; для каждаго началась, какъ бы посреди мира, обыкновенныя занятія по службѣ, по окончаніи копорыхъ наслаждались удовольствіями, во множествѣ представляющимися въ Парижѣ. Между тѣмъ Союзныя Державы вели переговоры, душою коихъ былъ Государь, подобно тому, какъ въ продолж-

ніе походовъ Онъ былъ душою всѣхъ военныхъ дѣйствій. Когда придетъ время поднятъ завѣсу, сокрывающую тайныя пружины происшествій той эпохи, то увидятъ, что вся Европейская полипика вращалась около Александра.

Одно, что напоминало нѣкоторымъ образомъ войну, это были маневры, которые производили, въ присутствіи Монарховъ, Прусскія и Англійскія войска, занимавшія Парижъ. Повлеченіе послѣднихъ на твердой землѣ было споль необыкновенно, что нельзя было на нихъ смотрѣть безъ особеннаго вниманія. Они недавно еще считались неспособными къ сухопутной службѣ, ибо послѣ Марлбруга прошло уже спольшіе а нынѣ подвигами своими, подъ предводительствомъ Веллингтона, они заняли мѣсто на ряду съ лучшими арміями. Видъ Англійскихъ солдатъ мужественный; они одѣты покойно, но не красиво; маневрируютъ съ точностію, но одиночная выправка не удовлетворяетъ требованіямъ нашей рекрутской школы; лошади, сбруя, артиллерія въ совершенствѣ. Веллингтонъ отдаетъ повелѣнія свои хладнокровно. Адъютанты его и офицеры его Шпаба, коихъ число въ сравненіи съ про-

чими арміями весьма ограниченно, не суепливы, и хопя внѣ службы къ начальнику своему кажупся не совсѣмъ почтительны, но передъ войсками приказанія его принимаюпъ съ возможнымъ уваженіемъ, и развозяпъ ихъ съ неимовѣрною быспрошою на прекрасныхъ лошадяхъ своихъ.

Вмѣспѣ съ Англичанами учился корпусъ Нидерландскихъ войскъ, копорый казались въ ремеслѣ своемъ споль же новы, какъ и самое полипическое сущеспвованіе Королевства ихъ. Подлѣ нихъ находился обыкновенно опрядъ Брауншвейгскихъ войскъ, одѣшыхъ въ черныя мундиры, въ киверахъ, украшенныхъ мерпвыми головами, надъ копорыми развѣвались черныя перья. Флеровая повязка на рукѣ каждаго офицера и солдапа означала прауръ по убиномъ при Капрѣ-Бра Герцогѣ ихъ, и умножала мрачный видъ ихъ войскъ. Посреди маневрировавшихъ полковъ арміи Веллингтона, множеспво Англичанокъ съ бодростію ѣздили верхомъ, не спрашась пальбы; изъ сихъ оспровишянокъ двѣ ни на шагъ не оплучались опѣ Фельдмаршала. Во время смопровъ, толпы Французовъ съ равнодушіемъ и съ любопытспвомъ, копорос

*

можно только объяснить пѣмъ, что они лишены истинныхъ чувствъ народной чести, по нѣскольку часовъ смотрѣли на движснїя, производимыя побѣдипеллами ихъ на пѣхъ самыхъ поляхъ, гдѣ еще пакъ недавно видѣли они опечественные орлы свои, съ побѣдою носимые изъ одной споліцы Европы въ другую.

Въ одно утро мнѣ надобно было ѣхать къ знаменитому Живописцу Жерару, которій писалъ поршрешъ Государя. Лѣспницы, переднїя, галлерей его дома, все обнаруживаешъ жилище Художника: вездѣ древнїя вазы, шатуи, барельефы. Жераръ, какъ и всѣ его соотечественники, говорилъ о Государѣ съ восхищенїемъ. »Принимаяся за поршрешъ, сказалъ онъ, я »былъ въ недоумѣнїи, какіе предметы помѣспить около Императора; ибо Его »Величество не одобрилъ первоначальной »мысли моея — изобразить Его посреди »Парижа. Я намѣренъ былъ представить »равнины Россїи, потомъ думалъ я написать богиню мира съ ея принадлежно»спями; но все это казалось мнѣ обыкновеннымъ и недостойнымъ единственнаго »мужа, котораго черпъ надлежало кисти »моей передать потомству; для сего рѣ»шился я начертать только одного

»Александра.« Вопль какимъ образомъ онъ сіе выполнилъ. Императоръ, въ конномъ зеленомъ мундирѣ, шляпа съ бѣлымъ перомъ лежишь у ногъ Его, лѣвая рука на сѣсѣ шпаги; вокругъ Него свирѣпствуетъ буря; внизу густыя черныя облака; сквозь оныя сверкають молнія, освѣщающая горизонтъ, гдѣ лице Государя являешя въ свѣпѣ шѣмъ болѣе яркомъ, что свѣпѣ сей находящя въ рѣзкой противоположности съ мракомъ, покрывающимъ нижнюю часть картины. Видъ Монарха и взглядъ Его важенъ, и хотя сходство незаметельно, но характеръ Его выраженъ вполне. Таковымъ видѣли мы Его въ ту минуту, когда, ведя войска на приступъ Лейпцига, Онъ приказывалъ Генералу Толю отправиться къ Саксонскому Королю и требовать, чтобы онъ сдался, или когда подъ Феръ-Шампенуазомъ Онъ апакował лично карей непріятельскіе, или когда на высотахъ Бельвиля говорилъ съ посланными Парижа. »Я не хотѣлъ, сказалъ Жераръ, »изобразить на устахъ Его улыбку, какъ »сдѣлалъ Изабе, коего миніатюрные портреты могутъ служить только для »перстней или шабакерокъ, потому что »мое намѣреніе было представить героя,

»повелѣвающаго вселенной и носящаго въ себѣ судьбы ея.«

Жераръ водилъ меня по своей мастерской и сказалъ: »Вопѣ Велисарій, копорому я обязанъ пѣмъ, что сдѣлался извѣстнымъ; а сія картина познакомила меня съ Наполеономъ: она предспавляетъ по мгновеніе Аустерлицкаго сраженія, когда Генераль Раппъ доноситъ Имперашпору, что Французскія войска одержали побѣду. Послѣ окончанія сей картины Наполеонъ давалъ мнѣ очень много порученій, и я бы былъ неблагодаренъ, если бы не признавался, сколько я обязанъ ему и его фамиліи. Я съ нимъ часпо говаривалъ о живописи и нѣсколько разъ писалъ его портреты; онъ не могъ перпѣшь, чшобы ему смотрѣли въ глаза.« Въ мастерской его находились портреты Короля Прусскаго, тогдашняго Наслѣднаго Шведскаго Принца, Фельдмаршаловъ Веллингтона и Шварценберга, и другихъ знаменистыхъ особъ. Примѣчательно, что Французы, издающіе въ свѣтъ посредствомъ гравировки и литографіи произведенія своихъ Художниковъ, не вздумаютъ напечатать пакимъ образомъ портретовъ Жерара, писанныхъ имъ во время двукрапшаго занятія Парижа Союзными вой-

сками. Это происходишь опъ какой-шо заспѣчивости, посредствомъ копорой они надѣюшся, вѣроятно, сокрыть опъ попомства космополитизмъ первостепеннаго ихъ Живописца, коего кисть шрудилась надъ изображеніемъ побѣдителей ихъ опечесства.

Черезъ мѣсяць послѣ вѣзда Государева въ Парижъ, шо ешь 29 Юля, претія гренадерская и впорая кирасирская дивизіи входили съ поржесствомъ въ сію споллицу, и въ другой разъ развѣвалися шамъ наши знамена.

ГЛАВА VI.

Состояніе Парижа. — Вѣтреность Французовъ. — Униженіе ихъ. — Военные. — Извѣстіе о взятіи Наполеона. — Судъ надъ Лабедоеромъ. — Чернь Парижская. — Бурбоны. — Герцогиня Орлеанская. — Тюльерійскій дворець.

Состояніе Парижа въ 1815 году весьма различествовало отъ того, въ которомъ мы нашли его въ предъидущемъ году. Тогда Французы, упомянутые двадцати-пяти лѣтними переворотами и непрерывными войнами, пожавшими миллионы людей, надѣялись найти ручательство своего спокойствія въ правленіи Бурбоновъ. По сей причинѣ всѣ сословія гражданъ жслали возвращенія стариннаго Дома своихъ Королей, хотя не всѣ съ равнымъ усердіемъ и равною къ нимъ преданностью, но всѣ съ одинаковымъ ожиданіемъ крошкаго правленія, соотвѣтствующаго духу времени и положенію, въ которомъ находилось ихъ отечество.

Обманушые въ своихъ надеждахъ, они рукоплескали при появленіи знаменитаго изгнанника съ оспрова Эльбы, при копоромъ надѣялись, ежели не возврашпшь ушраченную славу, искупленную слишкомъ дорогою цѣною, то по крайней мѣрѣ пріобрѣсти пвердое правленіе, основанное на началахъ, удовлешворявшихъ ихъ желаніямъ. Но въ семъ случаѣ они нашли сопрошвление въ Державахъ всей Европы, рѣшишельно объявившихъ на Вѣнскомъ Конгресѣ, что онѣ почишають владычество Наполеона несомѣспнымъ съ общимъ спокойствіемъ. Побѣда при Ваперло утвердила сіе объявление, и Бурбоны возврашплись во Францію уже не по единадушному желанію народа, какъ въ прошломъ году, но по волѣ Союзныхъ Монарховъ, опъ чего возникъ духъ междоусобій, распрей и даже вражды въ семействахъ, копорый мы нашли въ броженіи и кошорый, возраспая постепенно и укрьляясь безпреспанно, по прошеспвіи пилнадцати лѣпъ обрекъ помомковъ святаго Лудовика на вѣчное изгнаніе.

Франція предспавляла въ семъ опношеніи любопынное зрѣлище, ибо, по врожденному въ насъ свойспву, мы охошнѣе смопримъ на народъ, обуреваемый спра-

спями, нежели на схрану, гдѣ царспвуешъ пишина, подобно пому, какъ мы съ большимъ удовольствіемъ оспанавливаемся на берегу моря, когда волны сильно воздымаются, нежели когда необъяпная поверхность водъ его ничѣмъ не колеблешся. Въ это несчастное время въпреносъ Французовъ явилась въ полномъ шоржешствѣ. Не смотря на то, что столица ихъ и часть Государства были заняты чужеспранными войсками, что во многихъ мѣспахъ свирѣспвовали бунты, осаждали крѣпости на сѣверной границѣ и кровь десятковъ тысячъ жершвъ дымилася на поляхъ Линьи и Ваперло, псаширы и кофейные дома наполнены были народомъ, и радостныя шолпы покрывали гульбища. Въ Журналахъ помѣщаемы были спашья споль же обширныя о комедіяхъ, какъ и о священномъ дѣлѣ опечешства; бѣлые или красные цвѣшпы на какой нибудь актрисѣ почипались важнымъ собышіемъ и производили жаркіе споры, ибо зрители не соглашались въ заключеніяхъ, выводимыхъ изъ сихъ цвѣшповъ, къ какой паршіи принадлежишъ акшприса, къ приверженцамъ ли Бурбоповъ, или бывшего Императора. Словомъ сказапъ, сжели бы кого нибудь, незнавшего предешспвовав-

шихъ происшествій, привезши въ Парижъ, по онъ сказалъ бы, что конечно прошло очень много времени съ тѣхъ поръ, какъ бѣдствія не касались земли, коей городъ сей естъ столица.

Нельзя было смотрѣть безъ презрѣнiя на равнодушiе Французовъ къ тому унизительному положенiю, въ которомъ они находились. Сколько Живописцевъ принесли къ намъ на продажу картины, представляющiя вспуленiе нашихъ войскъ въ Парижъ и тому подобныя изображенiя! Какъ бы поступили у насъ съ Художникомъ, копорой бы вздумалъ нарисовать какую нибудь побѣду враговъ Россiи, и поднесъ бы имъ такое произведенiе своей кисти? Даже когда нѣкопорые изъ Союзниковъ брали изъ Парижскаго Музеума обратно картины и статуи, имъ прежде принадлежавшiя, по Французы не показывали большаго прискорбiя, чему я былъ личный свидѣтель, хотя въ послѣдствiи Писатели ихъ и упверждали проповное. Не было власти споль священной, надъ копорой бы они не издѣвались. Въ одномъ Журналѣ я нашель слѣдующее: »Разсмапривалъ воинскiя склошоспи парода и ролю по героическую, по шуповскую, копорую

»Франція играла на театръ Европы въ
 »продолженіе двадцати пяти лѣтъ, я ду-
 »маю, что ей необходимо имѣть шакого
 »Короля, который бы умѣлъ хорошо
 »ѣздить верхомъ, — посему я предлагаю
 »избрать Королемъ нашимъ берейшора
 »Франкони!«

Въ сихъ обстоятельствахъ одни во-
 енные сохранили нѣкоторое достоинство
 характера и чувство собственнаго къ
 себѣ уваженія. Они виновны въ томъ,
 что прислали къ Наполеону при по-
 явленіи его во Франціи съ острова
 Эльбы, хощя и увѣряющъ, что они ру-
 ководствовались въ семъ поступкѣ на-
 деждою возстановить утраченную славу
 ихъ оружія. Не входя въ разсмотрѣніе,
 до какой степени они пресупны, нельзя
 однако же не ошдаться справедливости не-
 пріятелямъ, долгое время прошивъ насъ
 сражавшимся, — что они, видя бѣдствіа
 своего опечесства, являли въ поведеніи
 своемъ совершенную противоположность
 съ прочими своими согражданами. Пріятно
 было встрѣчать военныхъ, ходив-
 шихъ съ мрачнымъ видомъ, и блѣднѣв-
 шихъ при взглядѣ на Русскій мундиръ.
 Впрочемъ въ этомъ году они были не-
 сравненно скромнѣе, нежели въ прежнемъ;

тогда они воображали, что слѣпой случай или измѣна привели насъ въ сполучу ихъ; но теперь они убѣдились, что силы Франціи ничтожны передъ силами Союзниковъ. Во всѣхъ случаяхъ они оказывали намъ примѣрную вѣжливость, и не искали, какъ въ прошломъ году, поводовъ къ поединкамъ. Въ Театрахъ они принимали съ воспоргомъ всѣ выраженія, относившіяся къ чести Франціи, и заспавляли актеровъ повтореніемъ словъ, копорыя оную напоминали.

Извѣстіе о взятіи Наполеона Англичанами, произвело на нѣсколько дней уныніе въ Парижанахъ: казалось, что они забыли зло, симъ человекомъ причиненное, а только сохранили въ сердцахъ признательность за славу, копорою онъ ихъ озарялъ. Издатели Журналовъ всѣхъ почти парсій, какъ бы по взаимному условію, прекратили свои распри; ненависть на минушу почилла при воззрѣніи на несчастіе, постигшее необыкновеннаго человека, копорого судьба принудила опдашься въ руки люшѣйшимъ врагамъ его. Последняя особа его семейства, оставшаяся въ Парижѣ, извѣстная любезностію и дарованіями своими Принцесса Горшензія, отправилась тогда изъ сей

столицы въ Швейцарію — съ Русскимъ паспортомъ.

Около этого времени обнаружены были списокъ пѣмъ, которые принимали наибольшее участіе въ происшествіяхъ 20 Марта; однихъ приговорили къ изгнанію, а другихъ подвергнули суду, начавшемуся съ Лабедоера, который съ полкомъ своимъ, споявшимъ въ Греноблѣ, первый перешелъ на сторону Наполеона. Судъ производился публично, и въ засѣданія онаго впускали по билетамъ, которые, какъ примѣрно было, раздавались большею частію иностранцамъ и приверженцамъ Бурбоновъ. Нѣсколько офицеровъ Королевской гвардіи вели себя неблагоприспойно, обнаруживая мнѣнія свои смѣхомъ въ шакомъ дѣлѣ, гдѣ разсуждаемо было о жизни человѣка. »Взгляните на послѣдствія его поступка, сказалъ обвинитель: всѣ узы гражданства во Франціи разпоргнушы; она повержена подъ иго чужеземцевъ, междоусобная война пылаешъ повсюду, опечесство споишъ на краю погибели.«— Предсѣдатель спросилъ Лабедоера, обвиненнаго въ измѣнѣ пропиву государства, что онъ имѣетъ сказать въ свое оправданіе. Лабедоеръ, прекрасный прирдаши-лѣпній мужчина, ода-

ренный краснорѣчіемъ, отвѣчалъ: »Не запираюсь въ пресупленіи; но скажу слабымъ голосомъ смерти, что вина моя не можешь опнять у меня чести, копорую я долженъ передать непорочно женѣ моей и сыну моему. Я обязанъ ее защищать, дабы сынъ мой, доспигнувъ до возраста, когда онъ посвятитъ себя на службу опечества, не былъ при самомъ вспупленіи въ оную покрывъ спыдомъ.« Онъ спарался доказать, что пресупленіе можешь существовать, а человекъ, оно совершившій, бытъ невиненъ; въ примѣръ поспавлялъ онъ себя. Для сего онъ предпринялъ изложитъ положеніе, въ кошоромъ находилось тогда опечество его; но едва успѣлъ онъ сказать, »что послѣ желаннаго всѣми возвращенія Бурбоновъ общее мнѣніе вначало противъ нихъ обнаруживашься, оказались повсюду неудовольствія, особенно въ войскахъ,« какъ слушапели изъявили свое неудовольствіе, и Предсѣдатель, прервавъ его рѣчь, совѣщавалъ ему не опспупашъ опъ предмета своего и довольствовашься личнымъ защищеніемъ своимъ. Лабедоеръ замолчалъ, спряпалъ бумагу, на кошорой рѣчь его была написана, и сказалъ: »Топъ, кпо многократно

»предводипельсповалъ храбрыми людъ-
 »ми къ смерпи, будепъ умѣпъ и самъ
 лоную вспрѣпипъ. Я не говорю, чпобы
 »я не сдѣлалъ преспуленія, въ копоромъ
 »меня обвиняюпъ; но ушверждаю, чпо
 »я не виноватъ и не поперялъ чеспи.
 »Мнѣ поручили, присовокупилъ онъ, усми-
 »рипъ духъ седьмага линѣйнаго полка,
 »коего я былъ начальникъ, но могъ ли я
 »заспавипъ солдапъ забыпъ имя полко-
 »водца, водившаго ихъ въ побѣдѣ въ шече-
 »ніе пятнадцати лѣпъ?»

Въ одномъ Журналѣ, копорый въ про-
 долженіе сего суда принималъ спорону
 обвиненнаго, была помѣщена между про-
 чимъ слѣдующая спашья, обнаруживаю-
 щая духъ, господспвовавший во Франціи:
 »Лабедоеръ служилъ въ молодыхъ лѣпахъ
 »подъ знаменами Наполеона. Лудовикъ XVIII
 »извѣспенъ ему спалъ шолько за десять
 »мѣсяцевъ. Преній Монархъ его, копо-
 »раго опреченіе опъ преспола казалось
 »ему вышужденнымъ, явлелся предъ нимъ.
 »Онъ привыкъ долгое время почипапъ
 »законнымъ Государемъ шого, копораго
 »всѣ Державы шакovýmъ признали, и мы-
 »сли сіи пробуждаюпъ въ немъ еще не-
 »угасшую къ нему привязанноспъ. Блескъ
 »воинской славы преняго его Монарха

«опъ започенія и несчастія возвеличи-
 ваеся въ глазахъ его приверженныхъ, и
 »дѣйствуетъ на пламенное воображеніе,
 »которое увѣряетъ ихъ, будто онъ
 »повинуется гласу долга, въ то самое
 »время, когда они попираютъ ногами свя-
 »щеннѣйшія обязанности. Нельзя въ одинъ
 »день испребитъ предразсудковъ своихъ,
 »перемѣнитъ мнѣнія, наклонности и образъ
 »мыслей, справедливо или ложно основан-
 »ныхъ, но укрѣпленныхъ временемъ. Въ
 »семъ состояніи его истинное преспу-
 »шеніе, но всѣ Французы оно раздѣляли.»

Таковыя выраженія и подобныя имъ,
 помѣщаемыя въ другихъ ежедневныхъ въ
 домоспяхъ, имѣли цѣлю не столько
 оправдывать обвиненныхъ, сколько разду-
 вать пламень раздоровъ, усиливавшійся
 еще по той причинѣ, что вслѣдъ за каз-
 нію Лабедреса начали судить сообщни-
 ковъ его, въ числѣ коихъ находился и
 Маршалъ Ней, чинимый во Французской
 арміи однимъ изъ храбрѣйшихъ Генера-
 ловъ. Хотя доказательствъ въпреноси
 высшаго и средняго сословія Парижанъ,
 были очевидны, однако же не надобно
 было пераять изъ вида, что въ Парижѣ
 находилось двѣсти тысячъ человѣкъ, ис-
 имѣвшихъ ни Вѣры, ни чести, ни на-

дежнаго пропитанія, и возросшихъ посреди кровопролитій революціи, копорыхъ легко можно было взволновать: развращенная чернь сія, способная на всякія преступленія, имѣла по ночамъ сходбища въ предмѣстіяхъ города, издѣвалася на улицахъ надъ солдатами Королевской гвардіи, съ жадностію внимала чтенію Журналовъ, издаваемыхъ демагогами, и при всякомъ случаѣ оказывала неуваженіе къ законному своему Правительству. Положеніе многочисленной необузданной толпы сей, содержимой въ уздѣ присущіемъ Союзныхъ арміи, можно было уподобить хищному звѣрю, гложущему цѣпь, къ копорой онъ прикованъ, но гоповому при первой возможности предаться врожденной ярости своей. Въ сихъ смущенныхъ обспояпельствахъ, Государь, получавшій нерѣдко разнаго рода предостерегательныя извѣстія, не подавалъ вида, чшобы Онъ чего либо опасался: ходилъ по Парижу пѣшкомъ, прогуливалсѣ ежедневно по Елисейскимъ полямъ верхомъ, въ сопровожденіи одного шолько конюшаго, и ѣздилъ по городу въ карепѣ, запряженной двумя лошадьми, съ двумя лакеями Французами, и съ кучеромъ Французомъ же, безъ всякаго прикрытія. Караулъ въ

Элизе - Бурбоны содержали попеременно Пруссаки и Англичане, и только на ночь присоединяли къ нимъ со стороны сада нѣсколько лейбъ-казаковъ.

Бурбоны жили уединенно, какъ и въ первый годъ своего возвращенія въ Парижъ: окруженные своими приближенными, неоставлявшими ихъ въ изгнаніи, они казались спранными посреди народа, надъ коими предки ихъ владычествовали многія столѣтія. Лудовикъ XVIII былъ вообще уважаемъ, но члены его семейства не пользовались приверженностію народа; я видѣлъ Французовъ, бывшихъ объ закладъ, что по выступленіи Союзныхъ войскъ изъ Франціи, они не удержатся на престолахъ своемъ. Мнѣ случилось въ это время имѣть порученіе къ вдовствующей Герцогинѣ Орлеанской, супругѣ извѣснаго въ революціи Эгалитте, почивавшейся одною изъ умнѣйшихъ особъ Королевской фамиліи. Она была за столомъ, когда я пріѣхалъ, но велѣла меня поспѣшь къ себѣ пригласить, и посадила меня подлѣ себя: между тѣмъ, какъ она читала письмо, копорое я ей вручилъ, я могъ взглянуть на особъ, составлявшихъ ея общество. Тутъ находились единственно спарики, копорыхъ, по пла-

*

пью и по пріемамъ, легко было признасть за придворныхъ, образовавшихся въ Версальскихъ перднихъ. При семъ родилась естественна мысль, что ежели общеспво опличнѣйшей особы дома, споль близкаго по родству съ Бурбонами, заключалось въ людяхъ, чуждыхъ своему вѣку и понятіямъ своихъ современниковъ, то каково же оно должно бысть у прочихъ лицъ сего семейства?

Любопытство завело меня однажды въ Тюльерійскій дворець. Я видѣлъ оный въ царствованіе Наполеона, окруженный пѣшими и конными часовыми его гвардіи, опличавшейся воинскою осанкою. Теперь около него не было никого, кромѣ толпы праздныхъ людей, прогуливавшихся по саду и по Карусельской площади. Въ передней замѣ стоялъ караулъ, и прое гвардейцевъ, опроческихъ лѣпъ, вызвались бысть моими жокапыми; но они не знали дороги въ семъ огромномъ замкѣ, и едва мы вспутили во впрору комнапу, какъ преспарѣльый кавалеръ ордена Свяшаго Лудовика закричалъ: »сюда не ходяпъ!« и даже не приподнялся со спула, хопя я ему показалъ свой билетъ, на копоромъ написано было, что я Капишанъ гвардіи Россійскаго Им-

ператора, по естъ Монарха, по милости
копораго дворець сей возвращенъ былъ
законнымъ своимъ владѣтелямъ. На кар-
низахъ, на дверяхъ и на люстрахъ сіяли
вензеля Наполеоновы, а на стѣнахъ ви-
сѣли карпины, изображающія его похо-
ды, о кошорыхъ проводники мои не имѣ-
ли ни какого понятія. Такимъ образомъ,
когда мы оспановились подлѣ карпины
сраженія Прейсигъ-Эйлаускаго, они го-
ворили мнѣ съ увѣренностію, свойствен-
ною Французамъ, что это одна изъ
битвъ Египетской войны. По дворцу хо-
дило нѣсколько военныхъ, несопрятно
одѣтыхъ; между ними я не встрѣшилъ
ни одного степеннаго челоуѣка. комна-
ты были не чисны, мебель спояла не
на своихъ мѣстахъ, и все являло видъ
какого-шо неустройства и разрушенія.

ГЛАВА VII.

СМОТРЪ ПРИ ВЕРТЮ 26 АВГУСТА. — ВТОРОЙ
СМОТРЪ 29 АВГУСТА. — ОБЪЕДИЯ ВЪ ЛАГЕРЬ. —
ИПОСТРАНЦЫ, НАХОДИВШИЕСЯ ВЪ ВЕРТЮ. —
ОБЪЕДЕННЫЙ СТОЛЪ ДЛЯ РУССКИХЪ.

Прежде возвращенія арміи нашей изъ Франціи, Государю угодно было сдѣлать ей общій смотръ, при которомъ не могъ токмо бытъ корпусъ Графа Ланжерона, расположенный около Французскихъ крѣпостей. Первоначально положено было произвести оный въ началѣ Августа подъ Феръ-Шампенуазомъ, гдѣ въ прошломъ году одержана побѣда надъ Французами; но потомъ опмѣнили сіе на нѣсколько недѣль для того, чшобъ дать время крестьянамъ убрать съ полей хлѣбъ, и вмѣсто Феръ-Шампенуаза, избрали въ Шампани, близъ города Вертю, лежащаго между Эпернеемъ, Брісномъ и Шалономъ, необозримую равнину, посреди которой находился гора, называемая Мон-

пеме. Между пѣмъ, какъ армія туда собиралась, въ Главной кварширѣ дѣлали чертежи, какъ разспавить войска и какія имъ производишь движенія, и соспавляли командныя слова для каждаго корпуса порознь. Государь лично входилъ во всѣ подробности, до сего смопра касающіяся, ибо Онъ хошѣлъ предспавить армію Свою передъ глаза и, шакъ сказапъ, на судъ всей Европы.

25 Августа Его Величество отправился изъ Парижа въ Вершю. На другой день, шо есть Августа 26 былъ примѣрной смониръ, на копоромъ никого, кромѣ Русскихъ, не находилось; а 29го былъ другой, въ присушствіи Союзныхъ Государей и множества иностранцевъ, копорыхъ для сего пригласили; 30го же церковный парадъ. Въ спрою было семь конныхъ и одиннадцать пѣхотныхъ дивизій, при полка казаковъ, двѣ ропы піонеръ, одна ропша саперовъ и пяпъ-сопъ сорокъ орудій, всего 150.554 человекъ, въ числѣ коихъ восьмдесяпъ семь Генераловъ, 433 Шнабъ-офицеровъ и 3980 Оберъ-офицеровъ.

26го. Въ шеспъ часовъ упра мы поѣхали на гору Моншеме, передъ копорою выпстроена была армія слѣдующимъ обра-

зомъ: кор-де-башаль сосполялъ изъ прехъ пѣхошныхъ корпусовъ, расположенныхъ въ при линіи. Правымъ крыломъ начальствововаль Дохпуровъ, лѣвымъ Раевскій, а центромъ Сакенъ. За ними находились впорая драгунская дивизія подъ начальствомъ Корфа, за копорою спояли въ резервъ гренадерскій корпусъ Ермолова и пѣхопный Сабанѣва, и два кавалерійскіе корпуса подъ командою Винценгероде и Графа Палена. Въ семъ порядкѣ мы увидѣли армію, занимавшую проспранство на нѣсколько верспъ, и ожидавшую съ благоговѣніемъ пріѣзда Государева. Ясное небо и лучи солнца, опражаемые оружіемъ, придавали зрѣлищу сему необыкновенный блескъ, и всѣ были поражены сполько симъ величеспвннымъ зрѣлищемъ, что когда въѣхавши на Моншеме, взглянули на армію, то произошло невольное молчаніе, а послѣ показала на усахъ каждаго улыбка, означавшая, что всякой гордился бытъ Русскимъ. Сигналы для команды дѣлаемы были пушечными выспрѣлами изъ орудія, споявшаго на Моншеме. Первый выспрѣлъ возвѣспилъ прібытіе Государя; войска взяли ружье на плечо; по впорому сдѣлали на карауль; громкое ура раздалось по рядамъ,

зайграла музыка и загремѣли барабаны и трубы. По шрешъему выстрѣлу взяли на плечо, и поспроились въ башаліонныя колонны, а по чешвертому вся армія начала спроишь каре, коего шри спороны сосполяли изъ пѣхопы, а чешвертая изъ конницы; передъ одною изъ пѣхопныхъ линій спояло десяшь рошь конной аршиллеріи. Государь въ сіе время спушился съ горы, и обѣхавъ, при радоспныхъ кликахъ, весь каре, ошановился въ средивъ онаго; армія прошла церемоніальнымъ маршемъ мимо Его Величешва, сперва гренадеры, попомъ линѣйна пѣхота, за оною конница, а въ слѣдъ конная резервная аршиллерія. Послѣ сего Государь изволилъ возврашиться на Монпеме, а войска спали въ шопъ же боевой порядокъ, въ коемъ были съ самага начала, по пушечному выстрѣлу сдѣлали на карауль, и снова загремѣла музыка и барабаны, и снова ура наполнило воздухъ.

Нѣшь примѣра, чшобы споль великос число войскъ было собрано для шотра, и никогда шотръ не происходилъ за нѣсколько тысячъ верспъ ошъ ошчешва, въ земль, не задолго еще почишавшейся непобѣдимую! Чшо передъ онымъ лагерь Булонскій? Пешвозможно видѣшь лучшей

опрятности людей, сосполнія оружія, общаго устройсва и наружной красомы. Полки доведены до такого совершенства, что они всѣ равны; нельзя сказать, чтобы одинъ былъ лучше другаго. Русскіе офицеры почти избалованы почностію, съ какою производился у насъ движеніе войскъ; но построенія, которыя произведены въ эпошу день, превзошли наши чаянія. Нѣкоторымъ пѣхотнымъ полкамъ надлежало при образованіи карей проходить при съ половиною версты; конная артиллерія неслась по сему пространству во весь опоръ; но порядокъ и быспроша, съ копорыми войска слѣдовали къ назначеннымъ имъ мѣстамъ, доказали, что всѣ и каждый знаетъ свое дѣло. Удивительнѣе всего было, что углы карей сосставлялись въ одно время какъ будто при баталіонномъ ученіи, и что въ продолженіе церемоніальнаго марша, копорымъ проходило болѣе ста семи тысячъ пѣхоты, ни кто не сбился съ ноги. Увѣренность въ себѣ была написана на лицахъ воиновъ: изъ устъ ихъ, кажется, вырывались слова: «кто противъ насъ?» Нѣтъ сверхъ того въ Европѣ и не было арміи, въ копорой бы находилось столько отличныхъ офицеровъ и искусныхъ

Полководцевъ, коихъ я не называю, ибо имена многихъ принадлежатъ Истории. Государь былъ споль доволенъ смопромъ, что сказалъ: »Я вижу, что Моя армія »первая въ Свѣтѣ; для нея нѣтъ ничего »невозможнаго, и по самому наружному »ея виду ни какія войска не могутъ съ »нею сравниться.«

Вдали видно было поле сраженія Феръ-Шампенуазскаго, копорое напоминало одинъ изъ блистательныхъ подвиговъ нашего оружія, особенно для личной славы Александра. Но, при всемъ шоржесствѣ, можно ли было забыть о Бородинскомъ сраженіи, копорому тогда минуло ровно при года? Въ то время села и города пылали опъ Нѣмана до береговъ Москвы рѣки, и на проспранствѣ семь шекла кровь Россіянъ. Пропиву неслыханнаго ополченія враговъ, предводителей спвуемыхъ вождями, образованными въ побѣдоносныхъ спанахъ, заслоняли спопятнадцать тысячъ нашихъ воиновъ домы согражданъ, честь имени своего, гробы родителей, законы, славу и независимость, пріятныя опъ предковъ. Что прочія сраженія пропивъ Бородинскаго? Что самый день Лейпцигскій, въ копорый испришель искалъ не лавровъ, но

спасенія, гдѣ онъ шокмо мыслить, какъ бы съ честію перейши въ Рейнъ, гдѣ слабѣе въ силахъ, нежели пропивники его, онъ былъ оспавленъ Союзниками своими, и не имѣлъ въ дѣлѣ шѣхъ полчищъ, копорыя прежде славилсь непобѣдимыми, и попомъ испреблены въ Смоленскѣ, въ Тарупинѣ, въ Маломъ Ярославцѣ и въ Красномъ, копорыхъ кости сожигаемы были въ коспрахъ, а пепель разнесенъ вѣпрами далеко опъ земли Русской? При Бородинѣ была бипва народовъ, Россіи съ Европою. Если бы грудь Россіянъ была менѣе шверда, и мудроспъ Смоленскаго менѣе испышана, шо дерзкій иноспранецъ, взиралъ съ Кремлевскихъ спѣнъ на плѣненную сполицу, сказалъ бы: »Держава Петра, Екатерины и Александра была славна, но она сокрушилась подъ ударами соединенной Европы.«

Сколькохъ героевъ уже нѣпшъ посреди арміи сей, копорые въ попъ незабвенный день были оплопомъ опечесства! думаль я, пробѣгая взорами ряды войскъ. Нѣпшъ Баграціона, любимца побѣды; нѣпшъ Тучкова, Кушайсова, нѣпшъ многихъ тысячъ ихъ сподвижниковъ. Можешъ бышь, попомештво не воздвигнешъ вамъ памяшника на попъ мѣспшъ, гдѣ вы пали, но

по крайней мѣрѣ черезъ нѣсколько вѣковъ на холмахъ, орошаемыхъ Колочею, соорудится скромная часовня, имена ваши вырѣжутся на мѣдной доскѣ; спранникъ позднихъ лѣтъ будетъ чипать ихъ при спускѣ свѣтъ лампы и унесетъ съ собою въ дальнія спраны горсть земли, съ копорою смѣшался священный прахъ вашъ. Матери, сестры, невѣсты павшихъ въ битвѣ Бородинской, вы, копорыя надъ могилою храбрыхъ проливаете въ сей день слезы и возсымаете моленія къ Нему о успокоеніи душъ ихъ, къ вамъ взываю я! Да слава опечесва вашего, симъ войскомъ до вышней степени вознесенная, исполнишь сердца ваши увѣреніемъ, что месць постигла враговъ, опльвшихъ въ горестное для Россіи время жизнь родныхъ вашихъ и любезныхъ. Въ возмездіе врагамъ, на собспвенныхъ поляхъ ихъ, празднуемъ мы славу Россіи; воины наши попираютъ ихъ нивы, знамена наши развѣваются на равнинахъ Шампани, и эхо горъ непріятельскихъ принуждено повпорять радостное ура, безпреспанно войскомъ произносимое.

На другой и на шредній день городокъ Вершю наполнился любопытными изъ всѣхъ сосполній и военными въ мунди-

рахъ встѣхъ Европейскихъ Державъ; изъ Парижа пріѣхало много купцевъ съ поварями разнаго рода, и наши маркишанпы опкрыли свои подвижныя лавки посреди лагеря, гдѣ день и ночь все было въ величайшей дѣяпельности; всякой начальникъ опдѣльной части войскъ соревновалъ превзойти своихъ поварицей. Въ числѣ почешныхъ иностранцевъ, пріѣхавшихъ въ Верпю, находилоя много спрогихъ наблюдапелей, желавшихъ лично удостопвѣриться въ состояніи нашей арміи, потому что съ давняго времени иностранцы, по какому-шо предубѣжденію, привыкли почипашъ силы Россіи преувеличенными.

29 *Августа*. Смотрихъ происходилъ въ помѣ же порядкѣ, какъ и 26го, съ тою разницею, что въ присупспвіи множеспва иностранцевъ, прибывшихъ изъ Парижа, изъ Голландіи, изъ Лондона и изъ другихъ мѣспъ. Съ самага упра Государя находилоя на Моншеме, передъ копорымъ выпсправалась армія, и лишь полько завидѣлъ Короля Пруссаго, обнажилъ шпагу, поѣхалъ къ нему на встрѣчу, вручилъ ему спроевой порядокъ, а потомъ опдалъ сію же самую почеспъ Императору Францу. Начальникъ Шпаба Его Величеспва предспавилъ спроевые рапорты

Фельдмаршаламъ Веллингтону, Шварценбергу и Вреде. Во время церемоніальнаго марша Государь лично предводилъ съвою армію, и салюповалъ Союзныхъ Монарховъ; Великіе Князья Николай Павловичъ велъ бригаду гренадеръ, а Михаилъ Павловичъ командовалъ пѣхотными ротами конной артиллеріи. Когда Монархи и особы, сопровождавшія ихъ, возвратились послѣ церемоніальнаго марша на Монсеме, и войска выступили въ прежній боевой порядокъ, открылся пушечный и ружейный огонь, продолжавшійся двѣнадцать минутъ; воздухъ открылся дымомъ, за копорымъ армія мало по-малу исчезала и наконецъ совсѣмъ закрылась.

Иностранцы были въ удивленіи: съ изумленіемъ смотрѣли они на густыя ряды войскъ, проходившихъ мимо ихъ въ неимовѣрномъ успройствѣ. Я неоднократно подѣзжалъ къ нимъ и вслушивался въ разговоры ихъ, не бывъ ими примѣчаемъ, и всякой разъ слышалъ слова ихъ, что они съ трудомъ вѣрили глазамъ своимъ. Веллингтонъ сказалъ, «что онъ никогда не воображалъ, чтобы армію можно было довести до столь великаго совершенства.» Онъ съ такимъ внима-

ніемъ считалъ число войскъ, что послѣ
смотра замѣнилъ, что въ одномъ кон-
номъ полку не доставало эскадрона, и
признался, что онъ полагалъ, видя въ Па-
рижѣ нашу прешью гренадерскую диви-
зію, будто люди для нея были выбраны
изъ всей арміи, и что прочія войска не
могли съ нею равняться. Каково должен-
ствовало быть его удивленіе, когда онъ
увидѣлъ, что ни одна дивизія не усупала
гренадерамъ! Сиръ Сидней Смитъ, съ обы-
кновеннымъ ему чиспосердечіемъ объ-
явилъ, что смотръ сей есть урокъ, да-
ваемый Императоромъ Россійскимъ про-
чимъ народамъ.

30 *Августа*. Въ день Александра Нев-
скаго, солнце при самомъ восхожденіи объ-
щало благопріятнѣйшую погоду. Посреди
прелестной долины, окруженной цѣпью
невсокихъ горъ, приготовлено было, по
числу корпусовъ, семь палатокъ для Бо-
гослуженія; передъ каждою былъ вы-
строены корпусъ, конница безъ лошадей,
пѣхопа безъ ружей. Государь прибылъ
къ гренадерамъ въ восьмомъ часу утра,
когда шуманъ покрывалъ горизонтъ; но
онъ мгновенно разсѣлся, и предсави-
лось зрѣлище, небывалое въ свѣтѣ. Спо-
пятьдесятъ тысячъ побѣдоносныхъ вои-

новъ, говорящихъ однимъ языкомъ, исповѣдующихъ одну Вѣру, пришедъ изъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ Европы въ нѣдра Франціи, ожидаютъ въ безмолвіи не звуковъ веселія, не зову къ кровопролитному бою, но гласа молящихся пастырей, дабы излиль сердце свое предъ Всевышнимъ. Началась служба; благоговѣйные звуки священныхъ пѣсней повторялись отголосками; воинство преклонило колѣна, и смиреніемъ своимъ доказало, что оно столь же благочестиво предъ Создателемъ, сколь ужасно въ битвахъ.

Во все время пребыванія нашего въ Вертю были у Его Величества обѣденные столы въ саду, въ копоромъ палатки, украшенныя гирляндами и разноцвѣтными огнями, усюроены были нарочно славнымъ Архипекшоромъ Фоншеномъ. Спранная игра судьбы! Архипекшоръ сей былъ любимецъ Наполеона, копорый съ нимъ не рѣдко совѣщавался о сооруженіи памятниковъ, долженствовавшихъ увѣковѣчить царствованіе его. Въ первый день угощали иностранцевъ, въ числѣ копорыхъ именинѣйшіе были слѣдующіе: *Австрійцы*: Императоръ Францъ, Наслѣдный Принцъ, Эрцгерцоги: Лудовикъ, Максимилианъ и Фердинандъ, Фельдмаршалъ Князь

Шварценбергъ, Генералы Дука, Радцкій и Лангенау, Князь Лихтенштейнъ и Графы: Вальмоденъ, Гардекъ и Сенъ-Жюлиентъ, Оберъ-Гофмаршалъ Графъ Врбна и Оберъ-Шпалмейстеръ Графъ Траушмансдорфъ. *Прусаки*: Король, Наслѣдный Принцъ, Принцъ Вильгельмъ, Принцъ Мекленбургъ-Спрелицкій, Генералы: Графъ Тауэнцинъ, Гнейзенау, Кнезебекъ, Цишенъ, Лопумъ, Шеллеръ, Пирхъ, Вольцогенъ и Военный Министръ Бойенъ. *Англичане*: Герцогъ Веллингтонъ, Послы: Лордъ Кашкарпъ и Лордъ Стуарпъ, Генералы: Гиль, Коле, Колоиль, Мурай, Кемптъ, Майшландъ, Олашанъ, Пакпъ и Адмиралъ Сиръ Сидней Смипъ. *Баварцы*: Принцъ Карлъ, Фельдмаршалъ Князь Вреде, Генералы Бекерсъ, Сейдвицъ, Майлопъ и Паненгеймъ. *Виртембергскій* Наслѣдный Принцъ; Принцъ *Оранскій* и при немъ Генералъ Фагель. *Баденскій* Генералъ Спокгорнъ; *Шведскій* Посланникъ Графъ Левенгельмъ; *Французы*: Дюкъ де Ришелье и Баронъ Дамасъ; сверхъ того Герцогъ *Кобургскій* и брапъ его Принцъ Леопольдъ, Принцъ *Гессенъ-Голбургскій* и многіе другіе.

На слѣдующій день приглашены были къ обѣду Русскіе Генералы, а въ послѣдній, когда иностранцы отправились обраш-

но въ Парижѣ, были кромѣ нашихъ Генераловъ, Командиры полковъ и армиллерійскихъ ротъ и Корпусные Оберъ-Кварширмейстеры; за споломъ находилось болѣе прехъ сотъ особъ. Трудно было видѣть почтеннѣ собранія; въ немъ заключалось могущество и слава Россіи, коей сіи офицеры были достойные представители. Бурные послѣдніе годы соединяли ихъ вмѣстѣ: они дѣлили пруды и побѣды, они презирали голодъ и непогоды, проходили горы, рѣки и царства, гдѣ предки ихъ никогда не бывали; теперь, благодаря подвигамъ своимъ, они распавались на долгое время; на лицахъ сихъ опличныхъ мужей начертана была радость, что каждый изъ нихъ исполнилъ обѣтъ свой. Государь передъ споломъ и послѣ онаго подходилъ почти къ каждому изъ сподвижниковъ своихъ, благодарилъ ихъ отъ искренняго сердца и въ словахъ выраженіяхъ, которыми каждому остануся незабвенны. Многіе были глубоко тронуты, и я видѣлъ слезы на глазахъ нѣкоторыхъ: воинъ, сохранившій среди разсѣянности спановъ и между громовъ сраженій чувствительность, будешь въ дни мира примѣрнымъ гражданиномъ. Покойшесь на лаврахъ вашихъ,

*

Русскіе офицеры! Вы одни могли совершить то, чему вселенная изумляется; гордишесь содѣяннымъ вами; поздніе потомки будутъ повѣспивовашь о васъ; да будешь на всю жизнь воспоминаніе минувшихъ дней залогомъ вашего счастья!

ГЛАВА VIII.

Виды смотровъ Вертю. — Анекдотъ о Наполеонѣ. — Возвращеніе въ Парижъ. — Окончаніе похода 1815 года. — Параллель между Александромъ и Наполеономъ.

Когда иностранцы, бывшіе въ Вершю, разъѣхались, Государь занимался лично выборомъ людей въ гвардію и въ гренадеры; провелъ весь день въ полѣ, былъ оптимъно веселъ, подѣвжалъ къ каждому полку, привѣтствовалъ ихъ и награждалъ многихъ Генераловъ. Чшобы сохранить память происходившаго въ Вершю, былъ приглашенъ туда изъ Парижа Живописецъ Пажешши, извѣстный двумя картинами, изъ коихъ одна изображаетъ переходъ непріятельскихъ войскъ черезъ Нѣманъ, а другая молебствіе, бывшее въ Парижѣ въ 1814 году на площади Лудовика XV. Онъ нарисовалъ шесть различныхъ видовъ смошровъ, обѣдовъ и лишургии въ Вершю: такимъ образомъ Худож-

нику сему предоспавлено было начертать начало великой войны, и окончаніе оной, совершившееся на поляхъ Шампаніи. Счастливъ Писатель, копорому удасться передашь попомству происшествія сихъ прехъ лѣтъ съ безприсраспїемъ и краснорѣчіемъ Историка!

Архитекторъ Фоншень, о копоромъ упомянуто было, что онъ успроивалъ садъ и палатки для угощенія, сказывалъ мнѣ, что Наполеонъ прельстился видомъ Москвы, и часно ему про оную говаривалъ. »Сколько колоколенъ въ Парижѣ,« спросилъ онъ у него однажды? — Немного болѣе десяти, отвѣчалъ Фоншень. — »Что эпо прошивъ Москвы, — возразилъ »Наполеонъ, — гдѣ ихъ сотни; велише вызолотитъ куполъ инвалидной церкви.« Приказаніе его было исполнено; но гордый завоеватель, опдавая оное, не воображалъ, что позолота сія, доколѣ она не исчезнетъ, будетъ каждому Русскому, заведенному любопытствомъ или другимъ случаемъ въ Парижъ, напоминать Москву и 1812 годъ, копорому нѣтъ равнаго въ лѣтописяхъ міра.

31 Августа вечеромъ мы выѣхали изъ Вершу; скоро взошелъ мѣсяцъ и осребрилъ берега Марны; ночь была прекрас-

нал, и въ моихъ глазахъ довершало прелеспъ ея множеспво Русскихъ колясокъ, обгонявшихъ одна другую и ѣхавшихъ по Франціи съ Русскихъ маневровъ. На другое упро мы возвратились въ Парижъ. Такъ кончился походъ сего года, не стоившій арміи нашей почпи ни одного выспрѣла, но копорый пребудешъ важенъ для опечеспва нашего, попомоу, что всѣ Державы полагали, что безъ учаспія Россіи онѣ не могли противиться предпріятіямъ того человекъ, копорый въ шеченіе двадцаши лѣпъ, наполнивъ ужасомъ имени своего сосѣднія Франціи земли, поработилъ одну за другою. Когда вновь общая безопасность была угрожаема по опплыніи его съ оспрова Эльбы, армія наша выступила первая изъ мѣспъ своего расположенія, быспро прошла Германію, и находилася уже на Рейнѣ въ минушу начатія военныхъ дѣйсшвій, и наконецъ подѣ Вершю предспала на судѣ Европы, копорую она пѣмъ болѣе изумила успройспвомъ и многочисленностію своею, что являлася въ семъ блестящемъ видѣ послѣ прехъ самыхъ многотрудныхъ и изнуришельныхъ походовъ.

Здѣсь прилично помѣспитъ параллель

между двумя величайшими мужами нашего времени, Александромъ и Наполеономъ. Появленіе обоихъ въ политическомъ мірѣ было ознаменовано рѣдкими умственными ихъ способностями. Съ перваго шага ихъ на поприщѣ дѣятельности, они обратили на себя всеобщее вниманіе и заняли первыя мѣста въ современной Исторіи. Въ продолженіе жизни ихъ, на мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ ихъ была основана участь вселенной. Наполеонъ явилъ себя въ Испанійскихъ походахъ великимъ Полководцемъ, а Александръ, будучи тогда еще Наслѣдникомъ Престола, подавалъ надежду сдѣлаться образцемъ крошечныхъ добродѣтелей, каковымъ Онъ при вступленіи своемъ на царство дѣйствительно и оказался. Поступки перваго ознаменованы были нѣсколько лѣтъ необыкновенными воинскими доблестями; онъ угрожалъ своею предприимчивостію и желѣзною волею въ исполненіи своихъ предначертаній, сдѣлаться бичемъ Европы и испровергнуть существовавшій порядокъ. Вникая со вниманіемъ въ узаконенія, изданныя Александромъ въ первые годы Его царствованія, вы найдете черты, копорыя могли бы послужить украшеніемъ вѣка Траянова и Антонинова.

Одинъ производилъ удивленіе, другой испоргалъ слезы радости у друзей человѣчества. Необыкновенныя событія, коимъ мы были свидѣтели, не умедлили пропивупоспавить сихъ мужей одного другому; борьба продолжалася ровно десять лѣтъ, по естъ съ Аустерлицкаго сраженія до вшоричнаго вшесствія Россіянъ въ Парижъ: эшо была брань зла съ добромъ, генія войны съ геніемъ мира, и сей послѣдній одержалъ совершеннѣйшую побѣду. Испощивъ всѣ способы снисхожденія, онъ облекся въ силу нравственную; непоколебимость его и постоянство, внушенныя убѣжденіемъ въ правотѣ дѣла его, сокрушили его пропивника. Наполеонъ въ неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ являлъ малодушіе, а Александръ въ роковой 1812 годъ сохранилъ швердоссть духа, кошорой Россія обязана своимъ поржесствомъ, и слова: »не положу оружія, доколѣ ни единого непріятельскаго воина не оспанешся въ землѣ моей,« — послужили основаніемъ новой эпохи для Россіи и для Европы. Во время сей десятилѣтней, почти баснословной войвы, слѣды Наполеона были ознаменованы, такъ сказать, огненною черпою; Александръ посреди враговъ своихъ

являлся благодѣтелемъ ихъ крал. Въ завоеванныхъ сполицяхъ Наполеонъ грабилъ дворцы Монарховъ, предавался мщенію и не зналъ мѣры своей надменности. За опуспошеніе многихъ областей Россіи, за пожаръ Москвы и за взорванный Кремль Александръ заплашилъ спасеніемъ сполицы Франціи, и изумленные Его великодушіемъ непріатели провозгласили Его Царемъ Царей. Ежели бѣдспвія, угрожавшія Россіи, не поколебали Его въ 1812 году, то онъ въ Парижѣ показалъ небывалый примѣръ въ лѣпописяхъ міра, что неслыханныя до того побѣды не вселили въ него другаго чувства, кромѣ кропоспи къ врагамъ и смиренія предъ Богомъ. Сокрушивъ своего проотивника, долгое время непобѣдимаго, Онъ не мспилъ падшему съ неизмѣрной высоты, и сей, на ужасной скалѣ, о крупныя берега коей разбиваются съ шумомъ волны разъяреннаго Океана, покрытый проклятіями полсѣпа, слышалъ слова упѣшенія отъ одного только Александра, копорой поручилъ посланному своему на островъ Св. Елены по возможности облегчать участь плѣнника. »Вы единспвенное про»видѣніе, оставшееся на землѣ для семей»спва нашего,«— писалъ въ 1814 году братъ

Наполеона, Лудовикъ, къ Государю. Когда Александръ принялъ бразды правленія Европы, Онъ учредилъ Христіанскій Союзъ, и основалъ всеобщій миръ, поддерживаемый имъ всеми силами, копорыя представлала ему обширнѣйшая въ свѣтѣ Имперія. Во время могущества Наполеона, безчисленныя арміи его блуждали по Европѣ, подобно сынамъ Израиля, покоря одно государство за другимъ, но миліонъ войскъ, содержимыхъ Александромъ, за что столь несправедливо современники дѣлали Ему упреки, употреблены были исключительно на утвержденіе мира. Да и можно ли было послѣ двадцати - пяти - лѣтнихъ волненій не имѣть Ему обнаженнаго оружія, шѣмъ болѣе, что въ разныхъ мѣстахъ показывались мятежи, какъ то: въ Неаполѣ, въ Пьемонтѣ и въ Испаніи; но они по мановенію Александра исчезали, и Европа, коей дѣла Онъ принялъ въ свою опеку, наслаждалася двѣнадцати - лѣтнимъ миромъ. »Александръ есть мой настоящій преемникъ,« сказалъ Наполеонъ на островѣ святой Елены. Онъ правъ; но Александръ, принявъ Дикшапорскую власнь въ Европѣ, уподоблялся ясному небу, которое, послѣ свирѣпыхъ бурь, колсбав-

шихъ море и угрожавшихъ мореходцу по-
гибелью, даруетъ ему счастливое плава-
ніе, и несомнѣнную надежду вскорѣ уви-
дѣшь берегъ своего опечесшва. Оба угас-
ли въ цвѣшѣ лѣшѣ, далеко отъ сполицѣ,
ими украшенныхъ, ими преобразованныхъ,
одинъ подъ знойнымъ Африканскимъ не-
бомъ, а другой на берегахъ Азовскаго мо-
ря, почти на предѣлахъ Азіи; одинъ
умеръ въ цѣпяхъ, а другой почилъ сномъ
праведныхъ.

ГЛАВА IX.

Приготовленія къ отъезду. — Выездъ изъ Парижа. — Перонпъ. — Камбре и Валансиенъ. — Генералъ Фуль. — Брюссельскій Дворъ. — Поле Ватерловскаго сраженія. — Дорога изъ Брюсселя въ Дижонъ.

Въ первыхъ числахъ Октябрия мѣсяца мы начали дѣлать пригововленія къ отъезду изъ Парижа, ибо наша армія, послѣ смотра при Вертю, немедленно пронужася въ обратный походъ, и только одинъ корпусъ оспался въ сѣверной части Франціи, для того, чтобы въ случаѣ могшихъ возникнуть неустройствъ, тотчасъ прекратили оныя. Сверхъ того, 13 Сентября назначено было открытіе Французскихъ Палатъ, и къ сему дню Государю угодно уже было находиться внѣ Парижа, чтобы предоставили Лудовику XVIII дѣйствовать совершенно какъ независимому Монарху, по своему усмотрѣнію. Сперва думали ѣхать въ Дижонъ, пошомъ въ Брюссель, оттуда чрезъ Франкфуртъ и

Барейпъ, въ Прагу, Бреславль и Берлинъ; но потомъ перемѣнили сіе предположеніе, съ тѣмъ, чпобы изъ Парижа отпра- вись въ Брюссель, опшуда на смопръ Авспрійской арміи въ Дижонъ, а въ за- ключеніе черезъ Швейцарію и Богемію въ Берлинъ и въ Варшаву. Маршрупъ для пушешествія по Швейцаріи съ озна- ченіемъ всего, чпо заслуживало вниманія, былъ написанъ Лагарпомъ.

13 Сентября мы опправились изъ Парижа рано поутру, когда еще сполица сія погружена была во снѣ; проѣзжая по пусыннымъ въ то время улицамъ ея, и смопря впослѣдніе на великолѣпныя ея зданія, нельзя было не ощущать раз- ныхъ впечашлѣній, возбужденныхъ прехъ- мѣсячнымъ пребываніемъ въ Парижъ, ко- порого ямя сопряжено нынѣ навѣки со славою Россіи. На первомъ ночлегѣ въ Пероннѣ помѣщена была на домъ, въ ко- поромъ Государь изволилъ оспановитсь, слѣдующая надпись: »Александръ »признашельная Франція.« Въ семь городѣ Меръ пригласилъ меня на ужинъ, за ко- порымъ находилися почешнѣйшіе изъ жипелей, и я при семь случаѣ вновь убѣ- дился, чпо Французы въ провинціяхъ не имѣютъ собшвеннаго своего мнѣнія, а

основывающъ полипическія сужденія свои на образъ мыслей Парижанъ. На другое ушро мы проѣзжали село Гозонкуръ, ко-его погорѣвшимъ жипеллмъ Государь пожаловалъ двѣ пысячи франковъ. Приближаяся къ крѣпости Камбре, копорая не сдалась еще Союзникамъ, я намѣренъ былъ объѣхать вокругъ нее, пѣмъ болѣе, что лошади были заготовлены въ полѣ; но ко мнѣ вышли на встрѣчу Депушаны, и просили ѣхать черезъ городъ, на что я согласился. То же предложеніе сдѣлано было мнѣ въ Валансіенѣ, равномѣрно заняпомъ Французскими войсками, и въ обѣихъ крѣпостяхъ караулы выходили для меня къ ружью, дома были украшены цвѣтами, улицы усыпаны пескомъ, и народъ, наполнявшій оныя, привѣпспвовалъ меня восклицаніями: да здравствуешъ Александръ!

Окреспности Брюсселя прелестны; вездѣ видны прекрасные сады и богатпыя селенія: вѣковое благосостояніе сей спраны, породившее несмѣпные капишалы разнаго рода, совсѣмъ не поспрадало опъ войны, коей ова недавно была позорщемъ. На послѣдней спанціи Оранскій Принцъ ожидалъ Государя; шупъ же нахотился Генералъ Фуль, копорый былъ

извѣстенъ въ началѣ опечеспвленной войны нашей. Въ продолженіе разговора я спросилъ его, почему онъ не носитъ медали, успановленной на походъ 812 года. — «Я сохранилъ, отвѣчалъ онъ, въ воспоминаніе онаго полько чистую совѣсть.» — Опъ сей спанціи до самаго Брюсселя дорога успавлена была щегольскими экипажами, выѣхавшими на вспрѣчу Императору. Дворецъ Королевскій можно было скорѣе принять за жилище частнаго человѣка: онъ споль пѣсенъ, что для Государя въ немъ не было помѣщенія, а пригошовили домъ Маркиза д'Аше. Камергеры, пажи и другіе чины Нидерландскаго Двора не ловки и одѣшны не богато; пріемы ихъ обнаруживали, что они еще не привыкли къ придворному ремеслу, которое, какъ и всякое другое, пребуешъ многолѣпняго навыка. Легко замѣшны можно было, что большая часть изъ нихъ не попомки феодалныхъ рыцарей, а внуки купцовъ, которые на Амстердамской биржѣ успановляли пѣкогда ходъ всемірной торговли. Впрочемъ Дворъ и самое Королевство Нидерландское успеспвовали такъ недавно, что нельзя было бытъ слишкомъ взыскапельну, щѣмъ болѣе, что Правительство нахо-

дилось въ запруднительномъ положеніи; ему предспоялъ чрезвычайно важный прудъ — изгладить ненависть, существовавшую между Голландцами и Бельгійцами.

Всего болѣе, находясь въ Брюссель, желательнѣе мнѣ было видѣть поле Вашердоскаго сраженія, на копоромъ менѣе нежели за три мѣсяца рѣшена была участь Европы. Въ одно прекрасное утро, я отправился, чрезъ Суаньской лѣсъ, въ село Вашерло, гдѣ предъ сраженіемъ находилась Главная квартира Фельдмаршала Веллингтона. Трактиръ, гдѣ онъ ночевалъ, носилъ его имя: здѣсь я взялъ проводника, который рассказывалъ мнѣ, что во время дѣйствія жилиши сего селенія находились въ большомъ спрахѣ, ибо послѣ обѣда полагали, что Французы одержали побѣду, и обозы Англійской арміи получили приказаніе подаваться назадъ. Отсюда недалеко находилась возвышеніе, называемое Монъ-Сень-Жанъ; когда Французы достигли до онаго, по полагали уже успѣхъ несомнѣннымъ; но твердость Веллингтона и прибытіе Пруссаковъ воспоржествовали надъ ихъ усиліями, и они были отбиты. Англійскій Фельдмаршалъ находился при деревнѣ Ла-

ге-Сенпъ, и соотечественники его дорогою цѣною покупають у крестьянъ сего селенія деревья, перевозящъ ихъ въ Англiю, и сажаютъ въ свои парки, какъ памятникъ народной славы. Въ полувверспѣ опъ Лаге-Сенпъ показываютъ мѣсто, гдѣ долго споялъ Наполеонъ; проводникъ мой находился при немъ, и рассказывалъ мнѣ съ жаромъ, какъ Наполеонъ ободрялъ войска свои, наспулавшія на Англійскія бапарен, и съ какимъ воспоргомъ колонны опвѣчали на знакомый голосъ своего предводителя, копорый даже не измѣнился въ лицѣ, когда удосповѣрился, что съ правой спороны его показались Прусакки. Пуспъ выразищъ живописецъ чувства, обуреавшія въ эту минушу душу гордаго завоевателя, копорый зналъ, что звѣзда счастья его померкала навѣки съ появленіемъ Блюхера!— Вотъ мѣсто, гдѣ Генералъ Камбронъ, окруженный опвсюду многочисленнымъ неприятелемъ, сказалъ: «гвардія умираетъ, а не сдастся:» выраженіе сіе конечно опзвевшая въ потомствѣ.—Я заключилъ прогулку мою при деревнѣ Прекраснаго Союза; на практирѣ оной написано, «что рФельдмаршалы Веллингтонъ и Блюхеръ, «вспрѣвшись здѣсь, поздравили другъ дру-

»га съ побѣдою.« Тутъ, присовокупилъ проводникъ мой, бѣгство Французовъ было общее, и смятенія ихъ описать невозможно; но Императоръ Французовъ сохранилъ хладнокровіе свое, и поворотивъ лошадь, медленно и въ молчаніи слѣдовалъ за бѣгущими. На полѣ сраженія находяшъ множество карпечъ, пуль, штыковъ, лашъ и другихъ воинскихъ снарядовъ, которые жители окрестныхъ селеній продаюшъ любопытнымъ путешественникамъ, во множествѣ сюда спекающимся.—Возвращаясь въ Брюссель, я встрѣтилъ Государя съ Принцемъ Оранскимъ, ѣхавшихъ въ Ваперло.

21 Сентября мы отправились изъ Брюсселя въ Дижонъ; на семъ пространствѣ, заключающемъ въ себѣ болѣе пяти сотъ верстъ, ни одинъ вооруженный не сопровождалъ Государя, не взирая на то, что мы ѣхали по землѣ непріятельской, гдѣ умы находились въ чрезвычайномъ броженіи. Жители отдаленныхъ мѣстъ опъ большой дороги, старые и малые, мужчины и женщины, толпились на почтовыхъ дворахъ, чшобы взглянушъ на повелителя Франціи и спасителя ея, какъ они Его называли, подавали Ему просьбы и говорили о своихъ нуждахъ, какъ

*

наспоящему своему Монарху. Къ вечеру впрогаго дня мы оспановилися въ Шомонѣ, гдѣ была главная квартира Баварскихъ войскъ, предводишельспвуемыхъ Фельдмаршаломъ Вреде, однимъ изъ отличнѣйшихъ людей нашего времени, который много способспвовалъ къ возвышенію своего опшечесства: онъ не сполько славенъ воинскими подвигами, сколько благоразумнымъ поведеніемъ съ шѣми Державами, съ которыми Баварія находилась въ связяхъ. Наружность его пріятна; онъ прекрасно говоритъ, и содержитъ войско ему вѣренное въ спрогой подчиненности. — Къ великолѣпному ужину, продолжавшемуся часа два, приглашены были всѣ Баварскіе Генералы и Шпабъ-офицеры: они съ благоговѣніемъ слушали Государя, очаровавшего ихъ своею любезностію. На другой день Баварская армія производила маневры въ присуствіи Государя, при началѣ коихъ меня отправили въ Дижонъ — просить Австрійскаго Императора, чпобы онъ не ожидалъ лично прибытія Государева, который, для избѣжанія нарядной встрѣчи, желалъ пріѣхать ночью. — 25 Сенпября были маневры Австрійскихъ войскъ. Государь при проходѣ полка своего имени, спалъ въ головѣ она-

го и салюповалъ Имперашору Францу. Такъ какъ мы разставалися на долгое время съ Авспрѣйцами, нашими старинными неизмѣнными Союзниками, по Государь пожаловалъ ордена многимъ изъ офицеровъ ихъ, наиболѣе отличившимся въ послѣднихъ войнахъ.

ГЛАВА X.

Отъездъ изъ Дижона. — Люръ. — Базель. —
Цюрихъ. — Констанць. — Линдау.

---

26 *Сентября*. Мы выѣхали изъ Дижона въ Швейцарію, и имѣли первый ночлегъ въ маленькомъ городкѣ Люръ. Всѣ чиновники, находившіеся при Государѣ, отправились прямо въ Берлинъ, нѣкоторые изъ Брюсселя, а другіе изъ Дижона, такъ, что при Его Величествѣ оспался одинъ Начальникъ Шшаба Его. Улицы Люра скоро опустѣли, потому что погода была самая бурная, шелъ проливной дождь, ревѣлъ осенній вѣтеръ. Когда пробила полночь, я подошелъ къ окну и увидѣлъ въ домѣ, насупротивъ меня находившемся, Государя, который сидѣлъ за столомъ при двухъ свѣчахъ. Улица была пѣсна, ночь совершенно темная, и картина величайшаго Монарха въ Свѣтѣ, уединенно прудящагося въ глухую бурную ночь, такъ врѣзалась въ мою память, что я какъ будто шеперъ ее ви-

жу: вошь Онъ пишешъ . . . . кладешъ перо . . . . размышляешъ . . . . опяшь пишешъ . . . . Ударило два часа . . . . Императоръ вспаль и пошелъ въ почивальню. — По выѣздѣ изъ Люра, мнѣ приказано было отпра- виться впередъ, и извѣспить начальствовавшего въ Бесфорѣ Генерала Лекурба, который прославился во время революціонной войны, чтобы онъ не дѣлалъ Государю ни какого приѣма. Неподалеку отъ крѣпости, я встрѣпилъ человѣкъ полпораспа Французской конницы, слѣдовавшихъ за карепою, въ кошорой сидѣлъ Генераль, и я узналъ въ немъ Лекурба болѣе по выразишельнымъ черпамъ лица, нежели по звѣздѣ, кошорую онъ былъ украшенъ. Выслушавъ меня, онъ возвра- тился въ Бесфорѣ.

Мало по малу показывались горы, окружающія Базель. Онъ, думалъ я, лежатъ въ счастливыхъ странахъ Швейцаріи, гдѣ обитаютъ просвѣщеніе и промышленость! Въ сію минушу небо выяснилось, солнце проглянуло изъ-за пучъ, кошорыя скрывали оно вѣ яченіе всего дня, и я увидѣлъ прескрасную долину, орошаемую величественнымъ Рейномъ. Ни одна рѣка не была споль много воспѣта Спихотворцами, какъ Рейнъ. Кпо,

проведя нѣсколько времени на берегахъ его, не вспомнишь съ восхищеніемъ о карпинныхъ ландшафтахъ, о добродушныхъ жипеляхъ Германіи, о цѣдильномъ винѣ и о зеленыхъ рюмкахъ, при звукѣ которыхъ молодые люди пьютъ здоровье своихъ любезныхъ, славятъ независимость, и клянутся въ вѣчной дружбѣ! По приближеніи къ Базелю, деревни спановятся чаще и богатѣе; Французское нарѣчіе непримѣнно исчезаетъ. Нѣмецкіе крестьяне смотрятъ съ любопытствомъ на проезжающаго, кланяются ему привѣтливо, и опть чистаго сердца желаютъ ему благополучнаго спранспованія, а Французскіе поселене, напротивъ того, въ большихъ шляпахъ, въ синихъ рубахахъ и съ полспыми косами глядятъ на путешеспвенника съ грознымъ и непріязненнымъ видомъ.

Въ чепыре часа я пріѣхалъ въ Базель; народъ и войска ожидали Государя, и приняли Его съ воспоргомъ. Городъ былъ иллюминованъ; передъ нашимъ домомъ горѣла слѣдующая надпись на Нѣмецкомъ языкѣ: »Да будетъ благословеніе Всевышняго на знаменипомъ Императорѣ Александрѣ, Который смѣло началъ перспый войну за Европу.«— По пріѣздѣ, мы

надѣли фраки. До глубокой ночи народъ наполнялъ улицы; я вмѣшивался въ толпы его, и слышалъ общій голось, что жипели почипаюпъ день сей однимъ изъ радоспнѣйшихъ. Раздѣляя съ ними чувсво сіе, я вспомнилъ, какъ 1го Генваря 1814 года наша армія переходила въ первый разъ Рейнъ при Базелѣ. По освобожденіи Германіи и по прекращеніи переговоровъ, начатыхъ во Франкфурптѣ, положено было вспулпть во Францію. Никогда знамена наши не бывали шакъ далеко отъ границъ нашихъ, и никогда не гоповились мы на споль важное предпріятіе, пошому что Рейнъ и крѣпоспи, лежащія какъ на рѣкѣ сей, такъ и вблизи отъ оной, почипались со временъ Лудовика XIV непреодолимою обороною Франціи. Вся Европа полагала, что война въ нѣдрахъ сей Державы должна бышь сопряжена съ неимовѣрными шрудносшями; думали, что народъ Французскій, пріобыкшій къ кровопролпшю и исполненный воинскаго духа, будетъ защищать упорно каждый шагъ земли своей. Не взирая на сіи уваженія, мы шли впередъ, чтобы нанести послѣдній ударъ тому, кто дерзнулъ нарушить спокойствіе нашего опечества: счасшіе увѣнчало отваж-

ное предпріятіе, и на шомъ самомъ мѣспѣ, гдѣ менѣе нежели за два года гуспые ряды нашихъ войскъ, при радоспныхъ восклицаніяхъ ура! водружали на лѣвомъ берегу Рейна Русскія знамена, я споялъ мирнымъ гражданиномъ, и смоспрѣлъ на быспрря волны рѣки, доколѣ не угасли огни, зажженные для празднованія прибытія Государя.

27 Септября, рано поушру, мы выѣхали изъ Базели въ Цирихъ. Густой шуманъ носился въ воздухѣ, но въ скоромъ времени разсѣялся, и я увидѣлъ множеспво деревень, виноградныхъ садовъ и пучныя спада, пасшіяся на богатыхъ лугахъ. Съ каждымъ шагомъ виды спановились красивѣе; мы проѣхали чрезъ два города, Рейнфельденъ и Брукъ, и миновавъ сей послѣдній, поднялись на высокую гору, на копорой посажены чешыре липы. Отсюда открылась цѣпь снѣжныхъ горъ, памъ Гриндельвальдъ, Шпаубахъ, Шрекгорнъ, Гасли, Луцернское озеро, гдѣ сооружена часовня Телю, а памъ далѣ мечпались миѣ крупизны Сень-Гопарда. О мѣста незабвенныя, гдѣ прошекло нѣсколько счаспливыхъ недѣлъ моей молодоспи, гдѣ первые лучи солнца я встрѣчалъ на горахъ, коихъ верши-

ны возвышающся выше облаковъ, гдѣ цѣлые дни проводилъ при шумѣ водопадовъ, среди цвѣшущихъ долинъ, въ дремучихъ лѣсахъ, на краю ужасныхъ пропастей, и опдыхалъ въ шалашахъ Альпійскихъ паспуховъ! Тамъ опечесство невинныхъ, проспыхъ нравовъ, и древніе обычаи праопцевъ почипающся съ набожноспію. Погруженный въ сихъ мечпахъ, я проѣхалъ мимо развалинъ Габсбургскаго замка, гдѣ Домъ Авспрійскихъ Императоровъ воспріалъ свое начало; но чпо мнѣ до славы ихъ? Я былъ съ природою, и въ саду ея!—Вскорѣ предспавилась намъ рѣка Аара, извивавшаяся по долинѣ, по колпорой мы ѣхали часа шри, а попомъ мы приблизились къ живописнымъ берегамъ Лимапы. Какіе сады! какія горы! а на нихъ непрерываемая цѣпь красивыхъ домиковъ, проспирающаяся на нѣсколько верспъ, гдѣ обишаешъ довольство и увѣренность, чпо собспвенность свяпо чпима. Государъ нѣсколько разъ оспанавливалъ свою коляску, гуллъ пѣшкомъ и заходилъ въ креспьянскіе дома.

Въ шеспомъ чаеу я пріѣхалъ въ Цирихъ, и остановился въ практирѣ Меча, у извѣснаго всей Европѣ Пепера. Изъ оконъ мосй горницы видно Цирихское

озеро, окруженное богатѣйшими селеніями. Долго смопрѣлъ я на него: вершины Альповъ начинали альпъ опѣ заходящаго солнца; новый мѣсяцъ показывался на небѣ, но вдругъ барабанный бой и радостные крики народа возвѣстили прибытіе Государя. Нашъ домъ наполнился первыми чиновниками Республики, копорые представлялись Его Величеству; а потомъ мы поѣхали на городской балъ, на коперомъ находился между прочими Рускій Посланникъ; это явленіе было новое, ибо прежде Вѣнскаго Конгресса, Россія не содержала при Гельветическомъ Союзѣ своего Посольства; учрежденіе онаго было однимъ изъ доказательствъ распространенія политическаго вліянія ея на дѣла Европы. Швейцарскія женщины, славящіяся своими добродѣтелями, были на балѣ не совсѣмъ ловки: живя въ тѣсномъ кругѣ своихъ семействъ, онѣ не привыкли къ многолюднымъ собраніямъ; любопытство ихъ было сильно возбуждено присутствіемъ Государя, ибо республиканкамъ симъ очень рѣдко случается видѣть Монарховъ.

28 Сентября поупру Государь посѣщаль мѣсто, гдѣ покоицца прахъ Геснера, а мнѣ вельно было ѣхать впередъ въ

Конспанць. Поднимаясь на гору, лежащую близъ Цириха, я смотрѣлъ долго съ восхищеніемъ на Цирихское озеро и на пы- сячи излучиспыхъ пропинокъ, извиваю- щихся около селеній. Проведя нѣсколько лѣтъ въ разсѣянности военной жизни и посреди царскихъ дворцевъ, я полагалъ, что я уже опжилъ для красотъ приро- ды, что быспрая рѣка, что восходящее солнце, что ясное небо, что пѣніе ппиць въ дремучемъ лѣсу не принесушь мнѣ болѣе, какъ во дни юности, истиннаго наслажденія; но взглядъ на Лимапу и на Альпы пробудилъ усыпленные чувспва, и грудь заволновалась, какъ прежде. Тѣ дра- гоцѣнныя минушы удовольствія, за ко- торыя мы обязаны единспвенно созер- цанію изящныхъ картинъ природы, ни съ чѣмъ сравнишья не могутъ.

Швейцарская граница кончипся, и Ба- денская начинаепся близъ самага Кон- спанца, города спариннаго, слишкомъ об- ширнаго по соразмѣрности съ числомъ жи- телей. Я взошелъ на колокольню Собор- ной церкви, откуда увидѣлъ на нѣсколько верстъ печеніе Рсйна, все проспранспво Боденскаго озера, около котораго множе- спво городовъ и деревень успавлены, такъ сказашь, одни возлѣ другихъ, и цѣль

Альпійскихъ горъ, съ копорыми я прощался, можешъ быть, навсегда. Послѣ того я оспановился на берегу озера, и нѣсколько минушъ смопрѣлъ, какъ мелькали паруса и рыбацьи лодки разсѣкали тихія волны. По положенію моему, я полько украдкою могъ наслаждашья природою. Государь, по прїѣздѣ въ Констанць, ошправился на оспровъ Мейнау, лежащій ошъ города верспахъ въ прехъ, а я пошелъ въ свою комнату, и перечитывалъ маршрутъ по Швейцаріи, писанный рукою Лагарпа. Ежели эполъ листъ бумаги, думалъ я, не заперяешя, то попомсво приметъ его съ такими же чувспвами, съ какими бы мы смопрѣли шеперь на описаніе пушешествія, соспавленнаго Аристопелемъ для Александра Македонскаго. Лагарпъ предлагалъ ѣхашъ изъ Дижона въ Женеву, попомъ въ Лозанну, а ошшуда въ Бернъ и Арау, коего Кантонъ обязанъ Государю своимъ политическимъ существованіемъ; но сіе предположеніе не сосшоялось по нѣкопорымъ причинамъ.

29 *Сентября*. Мы сегодня ѣхали весь день около Констанцскаго озера чрезъ Губъ, Рорпахъ, Рейнекъ и Брегенць, и прибыли въ Линдау. На дорогѣ насъ встрѣтили

воспитанники одного училища, одѣтые въ мундиры; посреди ихъ пославлень былъ на возвышеніи порпретъ Государя, къ копорому вели нѣсколько ступеней, усѣянныхъ, пакъ сказаць, маленькими дѣвущками, цвѣшущими какъ розы, изъ коихъ каждая указывала на изображеніе Императора. Мѣстоположенія около озера прекрасны, но пашни не пакъ хорошо обработаны, какъ въ окрестностяхъ Цириха; селенія бѣдны и народъ не столь опряненъ, чему причиною Каполическая религія. Недалеко опъ Рейнека мы переправились чрезъ Рейнь и очутились въ Тироль, посреди горъ, называемыхъ Форарлбергъ; нарѣчіе и одежда жипелей совсѣмъ другія, нежели въ Швейцаріи, и я смопрѣлъ съ бѣльшимъ удовольствіемъ на Тирольцевъ, воспріавшихъ съ свободою опъ предковъ нравы свои и обычаи, которые они умѣли сохранить и зацщипль въ бурное для опечесства ихъ время. Здѣсь-то надобно слышашь повшорлемья эхомъ высокихъ горъ Тирольскія пѣсни, при звукѣ копорыхъ раждаешя у Тирольцевъ шоска по опчизнѣ, въ какую бы удаленную спрану они ни были занесены судьбою. И на меня нашла певольная грусть при мысли, что я съ

каждымъ шагомъ приближаюся къ сѣверу и, вѣроятно, навсегда оставлю южную часть Европы, гдѣ прелести природы встрѣчаются чаще, деревья зеленѣе, цвѣты ароматнѣе, воображеніе жипелей плодовитѣе, разговоръ ихъ оспрѣе.

ГЛАВА XI.

Дорога изъ Линдау. — Приключеніе въ Ниренбергъ. — Австрійскіе чиновники. — Угощенія. — Празднованіе Лейпцигскаго сраженія. — Замокъ Петерсвальде. — Дорога до Берлина. — Пребываніе въ сей столицѣ. — Калишъ. — Воспоминаніе о Князѣ Смоленскомъ.

Наше путешествіе по Швейцаріи окончилось въ Линдау, гдѣ я получилъ приказаніе ѣхать не оспанавливаясь чрезъ Ульмъ и Ниренбергъ въ Богемію, до мѣстечка Черговицъ, находящагося за нѣсколько станцій отъ Праги, и ожидать тамъ прибытія Его Величества. Скорошь, съ кошорою мнѣ надлежало слѣдовать чрезъ изрядную часть Германіи, не позволяла мнѣ дѣлать наблюденій и вслушаться въ разговоры не шокмо съ жишелями, но даже съ чиновниками, высланными намъ повсюду на вспрѣчу, пѣмъ болѣе, что они на разные мои вопросы

о мѣспноспяхъ и пому подобномъ, старались опидѣмываться опть меня весьма коропскими опивѣшамн, и самн предлагалн мнѣ тысячу вопросовъ о Государѣ. Я принужденъ былъ довольспвоваться птѣмъ, что смопрѣлъ, какъ мимо меня мелькали, пакъ сказапъ, деревнн, села и города. Въ Ульмѣ Король Виртембергскій ождалъ лично Императора, а въ Ниренбергѣ случилось со мною слѣдующее забавное приключеніе. Такъ какъ я ѣхалъ въ придворной коляскѣ, и на козлахъ сидѣлъ кучеръ въ придворной ливреѣ, то Нѣмцы, съ часу на часъ ождавшіе Императора, приняли меня за Его Величеспво, и едва я подѣхалъ къ городскимъ ворошамъ, ударили во всѣ колокола, раздались пушечные выпрѣлы, громогласное ура, и тысячи народу, собравшагося на улицахъ, бѣжали за моею коляскою. Разувѣряпъ въ ихъ заблужденіи словами было невозможно, пошому что опть ужаснаго шума не слыхашъ было моихъ рѣчей; я сначала махалъ руками, дѣлалъ разные знаки, но видя, что все было безуспѣшно, долженъ былъ молчашъ, и въ семь пріумѣ меня довели до дома, назначенаго для Государя, гдѣ меня важно вышлн вспрѣчашъ Миниспры, присланнне

отъ Баварскаго Короля и городскіе чиновники, копорымъ я на-скоро объяснивъ о происшедшемъ недоумѣніи, поспѣшилъ скрыться отъ рукоплесканій и кликовъ народныхъ.

Природа ежедневно измѣнялась: я любовался ея красотою еще за три дня; а теперь видны были повсюду пески, глубокіе еловые лѣса, и—вмѣсто богатыхъ Швейцарскихъ поселянъ, бѣдность, копорая спановилась примѣшнѣе, по мѣрѣ какъ я приближался къ городу Черговичу. Государь пріѣхалъ сюда 3го Октябрю, и перемѣня лошадей, отправился въ поѣздѣ Князя Шварценберга, Ворликъ, а мнѣ сказано ѣхать въ Прагу, и ожидать тамъ дальнѣйшихъ предписаній. Давно не радовался я ни одному приказанію сколько, какъ сему; ибо въ первый разъ въ печеніе принадлецати мѣсяцевъ, въ копорые ни одна минуца не принадлежала собственно мнѣ, сдѣлался совершенно свободнымъ и могъ по произволу располагать нѣсколькими днями. Въ полночь и отправился въ путь, и не могъ сомкнуть глазъ, не взирая на успалось: меня восхищало чувство крапковременной моей независимости. По прибытіи въ Прагу, я надѣлъ фракъ, и пошелъ пѣшкомъ на

островъ, называемый маленькою Венеціею. Туманъ покрывалъ прекрасные берега Молдавы; народъ показывался изрѣдка по улицамъ, и колокольный звонъ только что начиналъ созывать къ богослуженію. Я гулялъ по острову, на которомъ уже за семь лѣтъ проводилъ пріятнѣйшіе вечера, гдѣ на осьмнадцатомъ году опть роду, будучи спранникомъ на сей землѣ, стоялъ у берега въ задумчивости; смотря на заходящее солнце, думалъ о будущемъ своемъ назначеніи въ жизни, и возвращался въ уединенное свое жилище. Я не зналъ, что fortuna мнѣ улыбнется, и что судьба опредѣлитъ мнѣ въ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ посѣпить снова шѣ мѣста, гдѣ я бывалъ прежде, ни кѣмъ неизнаемый.

Не успѣлъ я прійти съ гулянья, какъ начали ко мнѣ съѣзжаться съ посѣщеніями и предложили мнѣ комнаты, пригошвенныя для меня во дворцѣ. Послѣ сего я былъ у Главнокомандующаго Фельдмаршала, Графа Коловрата, копорый опть снарости едва могъ говорить; въ помощь данъ ему извѣстный Генераль Графъ Кленау, копорый осыпалъ меня учшивоспями. »Были ли вы у гражданскихъ чи-

»ловниковъ,« спросилъ онъ меня — »чпобы условипсья съ ними о днѣ прїѣзда Государя и о пребываніи Его Величешва въ Прагъ?« — Нѣтъ — отвѣчалъ я, — и по эшимъ предмешамъ хоцѣлъ съ вами переговорипсь. — »Я съ моей спороны все сдѣлалъ,« отвѣчалъ онъ: »но васъ убѣдипельно прошу, побывашь у сихъ господѣ. Какъ военный, скажу вамъ опкровенно, чпо эпо имъ и самому мнѣ будешь очень прїятно.« Сіа слова Генерала удосповѣрили меня, чпо въ Авспрїи военныа власпи подчинены въ мирное время гражданскимъ. Окончивъ посѣщенїа, поспѣшилъ я во дворець, чпобы насладипсья однимъ изъ прекраснѣйшихъ видовъ, какїе мнѣ извѣстны. День былъ опмѣнно ясный, и городъ, окреспноспи его, рѣка Молдава, горы, лѣса и загородныа дома представились мнѣ въ новой красопѣ. Я обѣдалъ у Генерала Кленая со многими Авспрїйскими офицерами, которые хопя разумно разсуждаюпсь, но въ обращенїи неловки. Всѣ прелеспи молодой дочери Графа не могли развеселипсь ихъ. За обѣдомъ былъ Адьюпаншъ Блюхера, Шпранць, съ копорымъ я коропко познакомилсъ. — Союзъ между двумя народами не былъ никогда споль шѣсенъ, какъ

между Россією и Пруссією, и когда офицеры сихъ двухъ Державъ гдѣ нибудь встрѣпяшся, шо почипають другъ друга совершенно за своихъ.

Я не могу довольно нахвалишься ласковымъ приѣмомъ Прагскихъ вельможъ и заботливостію различныхъ мѣстныхъ начальствъ, съ которою они дѣлали всякаго рода пригоповленія для пребыванія Его Величества, въ надеждѣ, что Государь изволилъ оспановиться на нѣскольکو дней въ Прагѣ. Живши въ семь городъ пять дней, я былъ безпреспанно приглашаемъ на обѣды, на вечера и въ театрѣ. Обращеніе дворянства шакое же, какъ и въ прочихъ сполицахъ; только жаль, что поваренное искусство не сдѣлало у нихъ успѣховъ: подражая во многомъ Французамъ, почему не брашь шакже примѣра съ Робера, Бовилье и Вери, которые до сихъ поръ не имѣють себѣ равныхъ въ Европѣ?

Черезъ три дня я получилъ приказаніе ѣхать впередъ, чрезъ Кениггрець, Находъ и Глаць, въ Силезію, въ замокъ Пеперсвальде, близъ Рейхенбаха, гдѣ мы жили нѣсколько мѣсяцствъ во время перемирія въ 1813 году. Я снова былъ свидѣтелемъ бѣдности и непросвѣщенія Богемскихъ жипседей. Какая перемѣна въ

Силезіи! Сіи двѣ земли ошдѣляюшся полько Исполинскими горами; но, переѣхавъ хрѣбешъ оныхъ, кажешся, всшупаешъ въ новый свѣшъ. Языкъ, народъ, климашъ, образъ жизни. — все другое; земля плодороднѣе, пашни шучнѣе, луга зеленѣе, обывашели веселѣе и не бояшся проѣзжающихъ, зная, что законы ихъ защищающъ. — 6го Окшября праздновали день Лейпцигскаго сраженія опмѣннымъ образомъ, приняшымъ во всей Германіи. Лишь полько вечеръ наспалъ, какъ на вершинахъ холмовъ и горъ зажгли коспры, нарочно для сего пригошовленные, копорые горѣли въ продолженіе всей ночи. Такимъ образомъ огонь, знаменующій время освобожденія Германіи, пымалъ опъ Тріеспа до Гамбурга, и опъ Вислы до Рейна.

Вечеромъ я пріѣхалъ въ замокъ Пеперсвальде, принадлежашій брапу славнаго Стихотворца, Графа Спольберга, изъ оконъ копораго ошкрывающся прелеспные виды на плодоносныя поля Силезіи. Я не могъ безъ особеннаго удовольствія смопрѣшь на башни Рейхенбаха, гдѣ за два года предъ симъ мы жили во время перемирія, и на высокіе ушесы Фиршпеншпейна, гдѣ, посреди развалинъ

древняго зданія, я забывалъ въ пріятныхъ прогулкахъ кровопролитную войну, копорая тогда предспояла. Но зѣмокъ Пешерсвальде, въ копоромъ я находился, историческими воспоминаніями разсѣялъ мои мечпы: въ ономъ въ 1813 году заключены Союзные договоры съ Авспрією и Баварією прошивъ Франціи, и положено основаніе успѣхамъ нашимъ, одержаннымъ въ послѣдствіи; а посему зѣмокъ сей сдѣлался для Германіи пѣмъ, чѣмъ Лепашевка для Россіи — колыбелію ея свободы.

8 Окшября мы выѣхали изъ Пешерсвальда въ Берлинъ. Въ шріумфальныхъ воропахъ не было недоспашка, ибо въ каждомъ городѣ и въ каждой деревнѣ поспавлено было по нѣскольку шаковыхъ воропъ, сдѣланныхъ изъ ельника съ различными надписями и вензелями Государя, а ближе къ Берлину являлись въ селеніяхъ множеспво дѣвушекъ въ бѣлыхъ плашьяхъ, съ вѣнками на головахъ, копорыи сыпали цвѣпы при проѣздѣ Имперашора. Въ разсужденіи геспешпримсшва я ошибся, ибо полагалъ, что жишли всѣхъ соспояній и лѣпъ поспѣшашъ къ намъ на вспрѣчу, что пиры и празднесшва будушъ по всей дорогѣ; на-

прошивъ пого, почти всюду я долженъ былъ плащить за кушанье и напитки. »Генералы Йоркъ и Гюнербейнъ,« сказалъ мнѣ одинъ Прусскій офицеръ, »встрѣпятъ васъ на границѣ, и будущъ сопровождашь до Кроссена, гдѣ Генераль Браушицъ ихъ смѣнитъ. Мы не помнимъ еще такого приема.« — Но я былъ вскорѣ упѣшенъ однимъ Прусакомъ, которой въ полной мѣрѣ чувствовалъ, что Россія сдѣлала для его опечесства. Мы расположились для ночлега въ городкѣ Миихенбергѣ; хозяинъ дома, въ которомъ отвели мнѣ кварширу, испощивъ всѣ средства угощенія, предложилъ наконецъ останозить ходъ спѣнныхъ часовъ, дабы спукъ оныхъ не беспокоилъ меня во время сна моего. Въ Кроссенѣ полагали, что Государь останозившя тамъ для ночлега, и пригопвленъ былъ для Его Величества пошь самый домъ и шѣ комнапы, въ которыхъ жилъ Фридрихъ Вшорой, и та самая кровать, на которой спалъ сей единственный Монархъ.

Около обѣда мы вѣхали въ Берлинъ. На послѣдней станціи отказали мнѣ въ почтовыхъ лошадахъ, а впрягли дурныхъ обывашельскихъ. Необозримое множесство жишелей столицы вышли на встрѣчу

Государю, бывшему въ Прусскомъ мундирѣ. Король встрѣшилъ Высокаго Посѣ-
пшителя своего въ Фридрихсфельдѣ, и оба
Монарха опправились въ опкрышой ко-
ляскѣ въ Берлинъ, гдѣ по улицамъ раз-
спавлены были войска, проходившія по-
помъ церемоніальнымъ маршемъ.

Мы провели въ Берлинъ около двухъ
недѣль, въ печеніе которыхъ совершенно
обрученіе бывшаго тогда Великимъ Кня-
земъ Императора Николая Павловича
со Дщерію Короля. Здѣшній Дворъ не пы-
шенъ; нѣтъ ни красавицъ, ни щеголей;
всѣ подражаютъ Королю, которой ве-
депъ скромную жизнь; самыя богатыя
семейства живутъ весьма расчепливо :
нѣтъ домовъ опкрыпыхъ для незваныхъ
госпей. Память покойной Королевы всѣ-
ми чпима; придворные часто объ ней
вспоминаютъ, говоря намъ, «если бы она
»была жива, какъ бы вы у насъ повесе-
»лились!» Въ городъ было пусто; жители
жаловались на разореніе войны, коея по-
слѣдствія не совсѣмъ еще тогда изгла-
дились. Въ девять часовъ вечера не видно
было на улицахъ экипажей, шишина цар-
спвовала во всемъ городѣ, и ни чпо не
напоминало, чпо вы находишесь въ спо-
лицѣ могущеспвеннаго Государспва. Въ

это время проходилъ чрезъ Берлинъ С. Петербургскій гренадерскій полкъ, коего Прусскій Король Шефомъ. Вспуленіе его въ столицу было самое торжественное: Король въ Русскомъ мундирѣ, находясь передъ первымъ взводомъ, салюповала Государю; офицеры обѣдали во дворцѣ за Королевскимъ столомъ, а солдата угощала Прусская гвардія. Примѣчательнѣ всего, что нѣкоторые караулы были заняты Русскими солдатами сего полка.

27 Октябрю мы выѣхали изъ Берлина чрезъ Франкфуртъ въ Калишъ. Грустно было мнѣ разсаваться съ Германіей, и слышать, какъ мало по малу исчезалъ Нѣмецкій языкъ, на копоромъ я получилъ первыя понятія о прелестяхъ Наукъ. На другія суши мы были уже въ предѣлахъ Россіи, и по пріѣздѣ въ Калишъ, я поспѣшилъ въ свой домъ, гдѣ жилъ въ 1813 году Князь Смоленскій; сердце мое билось, когда я шелъ по лѣспницѣ, на копорой прежде встрѣчалъ именитѣйшихъ Генераловъ. Но сколь велико было мое негодованіе, когда споявшій шухъ Полякъ спросилъ меня, зачѣмъ я иду на верхъ, и узнавъ причину, сказалъ, что онъ и не слыхалъ о нашемъ героѣ. Я вошелъ въ комнапу, гдѣ онъ обикновешю

занимался дѣлами, гдѣ я его видѣлъ предсѣдавшего при рѣшеніи участи вселенной, и гдѣ иногда удоспоивалъ онъ меня своимъ разговоромъ. Мною овладѣло благоговѣніе сильнѣе всего, которое я чувствовалъ въ гробницѣ Сципіона и въ памятникахъ Римской славы. Слабый свѣтъ одной свѣчи придавалъ мѣсту сему мрачный видъ, тѣмъ болѣе ощутительный, что въ эту минуту сдѣлался необыкновенный шумъ на улицахъ, возвѣспившій прибытіе Государя. Ударили въ колокола, раздались пушечные выстрѣлы, и народъ громкими восклицаніями привѣтствовалъ новаго Царя своего. Я въ сіе время сполна уединенъ, какъ будто одинъ во всемъ мірѣ, облокотясь на стулъ, гдѣ сиживалъ великій человѣкъ. Мнѣ явилась тѣнь его, и казалось, что духъ незабвеннаго парилъ надо мною. Я вспомнилъ, что на самомъ эпозѣ мѣстѣ я какъ будто предъугадалъ однажды близкую его кончину. За нѣсколько дней предъ выступленіемъ нашимъ изъ Калиша, подалъ я ему для подписанія бумагу; вмѣсто прехъ черпкъ, коими онъ обыкновенно оканчивалъ подпись своего имени, сдѣлалъ онъ ихъ гораздо болѣе, и — смотря на нихъ, сказалъ мнѣ: »кажется, что я ошибся.« — Въ

написали двѣ лищеры лишнихъ; — опвѣчалъ я, но я ихъ выскоблю. — »Нѣтъ,« прервалъ онъ: »я эту бумагу самъ уни-«чожу; а ты вели мнѣ приготовить »другую, попому что Богъ знаетъ, что »обо мнѣ подумаютъ.« Какое-то предчув-«ствіе сказало мнѣ, что мы скоро его ли-«шимся, и черезъ двѣ недѣли не спало по-«го, для котораго попомство будетъ «справедливѣе современниковъ.

Переночевавъ въ Калишѣ, опправились мы на другой день въ Варшаву.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
ГЛАВА I. Отъездъ изъ Вѣны. — Прибытіе въ Мюнхенъ. — Баварскій Дворъ. — Пріездъ въ Спунгардъ. — Лудвигсбургъ. — Гейльбронъ. — Пріездъ въ Гейдельбергъ	1
— II. Пробываніе въ Гейдельбергъ. — Загородный домъ Государя. — Военныя совѣщанія. — Побѣда при Ваперло. — Пріездъ Великихъ Князей. — Выступленіе .	13
— III. Мангеймъ. — Шпейеръ. — Парижскія повости. — Делегаты Временнаго Правительсва. — Обращеніе съ Французами. — Партизаны. — Нанси	21
— IV. Состояніе Франціи. — Отъездъ изъ Главной квартіры. — Дорога до Шалона. — Дорога до Мо. — Въездъ въ Парижъ. — Свиданіе Государя съ Лудовикомъ XVIII. — Дворецъ Элизе-Бурбоны. — Замѣчаніе о вѣроятномъ въездѣ Государя въ Парижъ	36
— V. Расположеніе Парижанъ. — Графъ Сегюръ. — Аудіенція разныхъ лицъ. — Генералъ Сарразенъ. — Переговоры. — Смолье Англійскихъ войскъ. — Живописецъ Жераръ	45
— VI. Состояніе Парижа. — Вѣрность Французовъ. — Униженіе ихъ. — Военныя. — Извѣстіе о взятіи Наполеона. — Судъ надъ Лабедеромъ. — Чернь Парижская. — Бурбоны. — Герцогиня Орлеанская. — Тюльерійскій дворецъ .	56
— VII. Смолье при Вершо 26 Августа. — Впорой смолье 29 Августа. — Обѣдъ въ лагерѣ. — Иностранцы, находившіеся въ Вершо. — Объединенный столъ для Русскихъ	70
— VIII. Виды смольевъ Вершо. — Алекдонгъ о Наполеонѣ. — Возвращеніе въ Парижъ. —	

	<i>Стр.</i>
Окончаніе похода 1815 года. — Параллель между Александромъ и Наполеономъ .	85
Глава IX. Приготовленія къ опъзду. — Възздъ изъ Парижа. — Перонпъ. — Камбре и Валансиентъ. — Генераль Фуль. — Брюссельскій Дворъ. — Поле Вапермоскаго сраженія. — Дорога изъ Брюсселя въ Дижонъ	95
— X. Опъздъ изъ Дижона. — Дюръ. — Базель. — Цирихъ. — Колспапцъ. — Линдау	102
— XI. Дорога изъ Линдау. — Приключеніе въ Ниренбергъ. — Прага. — Австрійскіе чиновники. — Утощенія — Празднованіе Лейпцигскаго сраженія. — Замокъ Пешерсвальде. — Дорога до Берлина. — Пребываніе въ сей столицъ. — Кампшъ. — Воспомишаніе о Килзъ Смоленскомъ	. 113

